

Черный гусар

*В Вихре
Времени*

Разведчик
из будущего

Александр СМИРНОВ

Черный гусар Фридриха Великого

Александр Смирнов

**Черный гусар.
Разведчик из будущего**

«Яуза»

2013

Смирнов А. В.

Черный гусар. Разведчик из будущего / А. В. Смирнов — «Яуза», 2013 — (Черный гусар Фридриха Великого)

Не верьте фронтовой пословице, что «все разведчики попадают в рай» — некоторые остаются на «сверхсрочную» даже после смерти. Погибнув в 1945 году под Кенигсбергом, старшина Красной Армии переносится на два столетия назад, в тело прусского барона из полка Черных гусар, которому после дуэли приходится бежать в Россию. Здесь «попаданцу» суждено возглавить личную гвардию Петра III и стать агентом всемогущей Тайной канцелярии, прославленной как самая грозная спецслужба Европы за два века до СМЕРШа и НКВД, сорвать заговор против императора и поменять ход истории...

© Смирнов А. В., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Александр Смирнов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Смирнов

Черный гусар. Разведчик из будущего

АВТОР ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ ЯКУШИНОЙ НАТАЛЬЕ

*Автор благодарит художника Николая Зубкова, чьи работы вдохновили на появление
Черного гусара.*

Нам жизнь навязана; ее водоворот Ошеломляет нас, но миг один – и вот Уже пора уйти,
не зная цели жизни... Приход бессмысленный, бессмысленный уход!

Омар Хайям

ПРОЛОГ

1945 год. Весна. Где-то в Восточной Пруссии, недалеко от Кенигсберга

Чуть правее оттого места, где они заняли позицию для наблюдения за прусским старинным замком, где, по мнению полковника Барыбина, должен был находиться немецкий штаб, в голубое небо ушла сигнальная ракета.

Лейтенант Зюзюкин докурил папироску, выругался и затушил окурок. Поднес к лицу бинокль и стал рассматривать замок. Тот высился над рекой и казался неприступной крепостью. Вот только ею он не был, пожалуй, лет этак тридцать, когда его крепостные стены были разрушены. Сейчас здесь, в отличие от Кенигсберга, было тихо, хотя и сюда ветер доносил отзвуки несмолкающей канонады. После двухлетних авианалетов англичан город вот уже целый месяц подвергался массированной артиллерийской атаке. Перед самой рекой вкопан столб, от которого тянется бельевая веревка прямо к стене. Чуть поодаль от нее небольшая калитка, слегка приоткрытая и так манящая войти внутрь цитадели. Крепостная стена разрушена, а вот основной дом и флигель почти в идеальном состоянии. Почти все ставни, кроме одного окна, на втором этаже дома, закрыты. Над главной башенкой развевается красное полотнище со свастикой.

– Ну, что скажешь, старшина? – проговорил лейтенант, протягивая бинокль лежащему сейчас с ним солдату.

– А разве у нас есть выбор?

Выбора, как всегда, не было. Приказ был овладеть высотой любой ценой.

Старшина, человек в возрасте, если верить той бумажке, что когда-то предъявил он, ему было пятьдесят с хвостиком. Звали его Игнат Севастьянович Сухомлинов. До войны обычный учитель в провинциальном городке. Преподавал иностранные языки и историю. Только благодаря тому, что идеально говорил на немецком, он и оказался в группе лейтенанта Зюзюкина.

– Не думаю я, товарищ лейтенант, – проговорил он, – что там может находиться немецкий штаб. Уж больно там все тихо. Будь там господа офицеры, мы бы с вами заметили хоть какое-то движение, а так особняк выглядит каким-то неживым. Если там кто-то и есть, так, думаю, только хозяева. Но все равно, я бы, товарищ лейтенант, посоветовал, – сказал он, возвращая бинокль, – в лоб не атаковать. Людей только зря положим, особенно в тот момент, когда будем переправляться через реку. Дайте карту, товарищ лейтенант, – проговорил Сухомлинов, – сейчас сориентируюсь.

Зюзюкин достал планшет и протянул старшине. Офицер уже давно догадался, но об этом старался молчать: Игнат Севастьянович был дворянского рода и скорее всего во время русско-германской войны был не простым солдатом. О том, что Сухомлинов был офицером, говорило многое, как ни пытался скрыть он это под маской разночинца. Чувствовалась хватка.

Особенно его советы в те моменты, когда молодого лейтенанта, угодившего на фронт зеленым и необстрелянным юнцом, прямо из учебки, охватывала паника и тот не знал, как поступить в той или

иной ситуации. В качестве благодарности никакой информации особистам о странном солдате. Незачем им знать, что среди коммунистов есть офицер царской армии. Если человек в возрасте пошел на фронт добровольцем, так уж точно не для того, чтобы переходить на сторону врага, с которым он воевал еще в Первую мировую войну, а скорее для того, чтобы как-то защитить свое отечество. Ведь не убежал же он после революции в эмиграцию. Единственное, что смог для того сделать Зюзюкин, насчет этого Игнат Севастьянович не возражал, было назначение его старшиной роты.

Сухомлинов минут пять рассматривал карту. Затем тукнул пальцем чуть левее от их места.

– Здесь находится брод, – проговорил он.

– Откуда вы знаете?

– Я так понимаю, я должен ответить, товарищ лейтенант?

– Должны.

– Во время русско-германской я с отрядом разведчиков попытался проникнуть как можно глубже в тыл врага. Мы дошли как раз до этих мест.

– Понятно, – проговорил лейтенант и взглянул на точку на карте, куда указал старшина. – Далековато, конечно, а правее ничего нет?

– Мост. Вот только нет гарантии, что он не разрушен или не находится под охраной.

– Можно попытаться прорваться...

– Тогда уж лучше в лоб, товарищ лейтенант. Здесь, по крайней мере, нет пулеметных точек на стенах замка. Можешь убедиться. Предлагаю послать разведку и проверить, прежде чем туда, – старшина указал рукой в сторону замка. – Пусть прощупают.

– Разведчиков так и так пошлем. А вот насчет пулеметных точек ты, сержант, верно отметил. У меня такое чувство, что, кроме обывателей, там, пожалуй, никого нет. А то, что флаг не сняли...

Договорить не успел. Из калитки в стене с огромной корзиной вышла молодая женщина. Черное платье, белый фартук, несмотря на холодную апрельскую погоду, на ногах туфельки. Она подошла к бельевой веревке, поставила плетеную корзину на землю и начала доставать из нее простыни. До русских донесся мотивчик какой-то незатейливой песенки. Молодка, не обращая ни на что внимания, пела. Зю-зюкину на мгновение показалось, что она вот-вот пустится в пляс.

Молодой лейтенант присвистнул. Старшина понимающе посмотрел на офицера. Зюзюкин женщин с прошлого года не видел. В самом конце тысяча девятьсот сорок четвертого года он угодил в госпиталь, где и провалялся аж до самого Нового года. Уж там-то офицер скорее всего оторвался на полную. Зато потом были непрекращающиеся сражения и переходы. Жизнь висела на волоске, и для какой-либо любви времени просто не было. А тут фройляйн. Да еще какая! Будь Сухомлинов помоложе, сам бы закрутил интрижку. Сейчас же, в глубине души, Игнат Севастьянович надеялся, что если между офицером и молодой фрау в будущем что-то произойдет, то будет только по обоюдному согласию. Бывший царский офицер ненавидел насильников. Сухомлинов надеялся, что лейтенант до их уровня не опустится и на отказ со стороны женщины среагирует адекватно. Не стоило вести себя по-фашистски.

Между тем Зюзюкин мысленно прикидывал их последующие действия. Сейчас с появлением мирных жителей обстановка кардинально изменилась. Убийство обывателей в планы не входило.

– Надо сделать все аккуратненько, – прошептал лейтенант. – Не хватало нам еще и мирных жителей уничтожать. Их вины в том, что фашисты напали на нашу землю, нет.

Они спустились с возвышенности. Бегом добежали до леска, в котором остановился лагерь их взвод.

Вошли в замок под вечер. Без шума, тихо. Да и чего было шуметь, как доложили разведчики Мордвинов и Челогуз, военных на территории усадьбы не обнаружилось. Жила в замке семья: старый барон с супругой, как выяснилось, очень ворчливой, их дочь, та самая, что развешивала белье, да две внучки (одной тринадцать лет, а второй четыре годика). Еще два месяца назад тут стоял немецкий полк, но и он после наступления Советской армии вынужден был отойти, оставив лишь взвод, состоявший в основном из необстрелянных юнцов, для обороны моста. Им предстояло дать бой, позволив тем самым минерам сделать свое черное дело. Все это лейтенанту Зюзю-кину поведала молодая женщина. Вернее, рассказала она сержанту, а уж тот перевел ее слова для офицера. За все годы, проведенные на войне, лейтенант так и не выучил немецкий. Из всех слов знал только: «Гитлер капут», «хендехох» да «шнель». Зюзюкин внимательно слушал, делал пометки в блокноте, поинтересовался, отчего флаг с крыши не сняли. Получив ответ, тут же распорядился, чтобы рядовой Востриков стащил эту фашистскую тряпку. Уточнил у женщины, сможет ли она накормить бойцов. Девушка недовольно проворчала.

– Сами они, товарищ лейтенант, голодом сидят, – пояснил Сухомлинов.

Зюзюкин удивленно взглянул сначала на старшину, потом на женщину. Впервые он смог разглядеть ее. Когда на берегу в бинокль разглядывал, не вглядывался, да и что там увидеть можно было, затем, когда в замок вошли, их старик встретил, клюшкой размахивал, словно шпагой. Пытался атаковать, но его разведчики скрутили и в одной из комнат закрыли. Когда старик остыл, выпустили. Сухомлинов

поговорил с ним, разъяснил ситуацию. Старый барон проворчал, но все равно признал свое положение. Долго ругался. То, что слова относились к Гитлеру и его окружению, догадаться было несложно. Затем, когда нашел свободную комнату, принялся изучать карту местности. Попросил только позвать хозяйку дома для разговора. Кинул взгляд, убедился, что это не супруга старого барона, а молодая женщина, вновь стал разглядывать карту. Так и слушал, что она говорит, ни разу не взглянув. Сейчас слова произнесенные задела за живое. Видел же он пасущихся около железных ворот двух козочек.

– А козочки? – поинтересовался Зюзюкин.

– Так это, товарищ лейтенант, для младшей девочки, – проговорил Сухомлинов, и офицер заподозрил, что тому удалось узнать очень даже много зато время, что они провели за стенами замка.

– Дети – это святое, – молвил Зюзюкин. – Как говорит наш уважаемый вождь и учитель – товарищ Сталин: дети за отцов не отвечают. – Лейтенант посмотрел на старшину, потом перевел взгляд на женщину и произнес: – Посмотри там наши пайки. И сами поедим, и их накормим.

Сухомлинов понимающе кивнул. Он и сам готов был это предложить, да вот только товарищ лейтенант успел сделать это раньше него. Хозяйка замка и старшина ушли. Лейтенант вновь склонился над картой, но сосредоточиться так и не смог. Встал с резного черного стула, на котором сидели в свое время бароны, провел по его спинке рукой и оценил работу мастера, изготовившего его в незапамятные времена. Вот только сейчас его больше всего восхитила фрау. Черноволосая, в каштановом платье с белым передником, она вдруг всколыхнула забытые и оставленные в прошлом чувства. Ее миндальные глаза завораживали и манили. Интересно, а где ее муж? Ушел с отступающими немцами или уже давно погиб на

восточном направлении? А может быть, барон (все же скорее всего женщина приходится старому барону и баронессе невесткой) воевал на Западе? Крутил отношения с распущенными француженками, гуляя по Монмартру и посещая «Мулен Руж». Ко всему прочему появилась возможность и оглядеть комнату. Просторная. Кроме дубового стола и нескольких стульев,

вдоль стен книжные шкафы, заставленные старинными фолиантами. Несколько портретов. Два с мужчинами, и сразу видно, старинные, на одном дама в шикарном белом платье и огромном парике. Еще одна картина задвинута в угол. Стоит изображением к стене. Желания поворачивать и смотреть, что на ней, у Зюзюкина не было. Не стал он подходить и к книжным шкафам. Время у него еще будет, и он посмотрит. Зато подошел к окну. Распахнул его. В комнату ворвался холодный апрельский ветерок. Лейтенант невольно улыбнулся. Жизнь, несмотря на бушевавшую вокруг войну, несущую смерть и разрушения, продолжалась.

– Лейтенант, – раздался над ухом Зюзюкина голос старшины. – Проснитесь! Немцы!

Офицер вскочил.

– Немцы?

– Две колонны движутся в нашем направлении, – пояснил Игнат Севастьянович.

– Этого еще не хватало, – прошептал лейтенант. После этих слов тот моментально протрезвел. От

вчерашней выпивки и следов не осталось. Даже голова, как это бывало обычно, не болела. Вполне вероятно, что причиной отсутствия похмелья был коньяк.

– Немцы, говоришь? – пробормотал Зюзюкин. Тут же вскочил. Застегнул пуговицу на гимнастерке. Поправил португеею и кинулся к дверям. Прихватил лежавший на стареньком комодке автомат.

Чтобы разглядеть, что происходит в окрестностях, нужно было подняться почти под самый купол одной из башен замка. Именно там, еще вчера, лейтенант распорядился выставить пост наблюдения.

В коридоре лейтенант чуть не сбил женщину. Попытался извиниться за свою неловкость, но поняла ли его торопливую, да еще на незнакомом языке, речь фрау? Скорее всего – нет. Да вот только ждать, что это за него сделает старшина – неразумно. Сейчас, когда в их сторону шли немцы, была дорога каждая секунда.

По коридору бегом. По винтовой лестнице под самую крышу. Резким движением руки распахнул дверь и вошел в небольшое помещение. Тут два служивых. Один разглядывал в бинокль окрестности, второй сидел с закрытыми глазами у стены. Рядом с ним винтовка с оптическим прицелом. Во рту папироска, по всей видимости, трофейная.

– Ну, что тут у вас? – проговорил Зюзюкин, подходя к тому, что с биноклем.

– Немцы, товарищ лейтенант, – проговорил солдат.

– Знаю, что немцы. Сколько их?

Служивый не ответил. Он протянул офицеру бинокль. Зюзюкин прильнул к окулярам и присвистнул. В направлении замка двигались две колонны. Около ста человек. Возглавляли их несколько мотоциклистов, а замыкал армейский автомобиль, в котором, судя по униформе, эсэсовцы. Фашисты пытались прорваться из осажденного города и скорее всего о том, что замок уже занят русскими, даже не подозревали. В основном вооружены винтовками, у нескольких автоматы, парочка с фаустпатронами. И эта пестрая толпа «оборванцев» не походила на тех солдат, что гордо маршировали с поднятыми головами по советской земле. Сейчас их головы были опущены, и казалось, что перед собой они ничего не видят. Зюзюкин готов был поклясться, что сейчас они так

же, как когда-то и его солдаты, готовы были уничтожить агрессоров, вторгшихся на их территорию. Да вот только когда идет война, по-иному быть не может. За спиной у офицера скрипнула дверь. Невольно он обернулся. Вслед за ним на башню поднялся Сухомлинов. Бывший царский офицер был хладнокровен. На его лице и мускул не дрогнул, когда Зюзюкин протянул ему бинокль.

– Взгляни, старшина, – проговорил лейтенант, – что ты по этому поводу думаешь?

– Совсем еще дети.

– Дети? – удивился Зюзюкин.

– Дети, – проговорил Игнат Севастьянович, возвращая бинокль. – Эвон до чего их Адольф довел.

– Цитадель, я – Замок, – доносилось из соседней комнаты. – Цитадель, я – Замок.

Радист уже минут двадцать безуспешно пытался связаться со ставкой. Сухомлинов достал из кармана гимнастерки потемневший от пота и грязи платок и вытер проступившие на лбу капли. Бой уже длился несколько минут. Сначала были выпущены две гранаты по колонне. Сразу же вспыхнул один из мотоциклов, второй просто перевернуло взрывной волной. Затем отправилась на небо штабная машина с эсэсовцами. Фрицы рассыпались и залегли. Первые пять минут просто не могли понять, кто их атакует. Попытались поднять головы, и тут же прозвучала пулеметная очередь. Затем и у них нашлась светлая голова. Несколько человек, как отметил Сухомлинов, с минометом отошли. Минуты две возились, а затем... Грохот, дым и крики людей. Когда рассеялось, старшина понял, что больше не осталось наблюдательной точки, да и одного пулеметного гнезда лишились. Кто там был? Вроде Мордвинов. Жаль парня.

Застрекотали пулеметы на стене. Монотонно, с перерывами. Сначала один, затем второй. Вновь

немцы прижали головы к земле. Чувствовалось, что умирать в их рядах никто не стремился.

Чуть слева шарахнуло, и старшину накрыло штукатуркой. Он невольно выругался. Прижался к земле. Невольно проскочила мысль, что не хотелось бы вот так вот по-глупому погибнуть, когда до победы осталось совсем ничего. Только продержаться, а там... Как в восемнадцатом веке, поедут по Берлину наши казаки. И ничто в этот раз не омрачит победу. Не окажется никого в Советском Союзе, кто протянет противнику руку. Гитлер – это не Фридрих Великий. А вот американцы? Союзнички. Пренебрежительно. Потомков эмигрантов, что съехались на американский континент со всего света, Сухомлинов не любил. Он помнил, как в детстве его отец рассказывал про революцию пятого года. Игнат поразился тому, что восставшие рабочие наотрез отказались громить фабрики Саввы Морозова, а заводы, принадлежащие американским воротилам, разносили в пух и прах. Тогда он спросил об этом отца.

– Понимаешь, сын, – проговорил тот, – Морозов, он ведь хоть что-то для рабочих делает. Больницу, школу и общежития построил. Деньги хоть и небольшие, но все же в Русскую землю вкладывает, а американцы что?

– Что американцы? – переспросил он тогда.

– Они в большей степени свои карманы набивают. В тот момент, наверное, и принял решение Игнат

Сухомлинов никогда из России, как бы обстоятельства ни складывались, не бежать. Поэтому, когда грянул Октябрьский переворот, назвать сие революцией у старшины язык не поворачивался, а затем Гражданская война, с белыми офицерами из бегущей Одессы на запад он не пошел. Остался в России. Стал простым гражданином. Затем, правда, пришлось документы и метрики подчистить. Хорошо, что друзья в Совдепии остались надежные.

Американцы. Союзнички. Тянули со вторым фронтом, а теперь вот, когда перелом произошел, рвутся к сердцу фашистского рейха. Эти способны все испоганить, как когда-то это сделал Петр Федорович. Неожиданно Сухомлинов подумал, что если бы у него была такая возможность, то наследнику Елизаветы он бы с радостью помешал.

– Цитадель, я – Замок, – вновь доносилось из соседней комнаты. – Цитадель, я – Замок. Неожиданно голос изменился. Радист радостно вскрикнул:

– Есть связь, товарищ лейтенант! Потом сменилось на:

– Цитадель, я – Замок. Ведем бой с превосходящими силами противника. Координаты...

Дальше старшина не слышал. Сначала был взрыв. Потом все поплыло перед глазами. Затем все в одно мгновение закончилось.

Лейтенант пришел в себя. Голова болела. В воздухе висело облако пыли. Рядом с убитым рядовым лежал Сухомлинов. Лицом вниз. Пулемет, раскуроченный и теперь бесполезный, валялся тут же. Зюзюкин поднялся и, пошатываясь, подошел к старшине.

– Игнат Севастьянович, – проговорил он, прикасаясь к спине бывшего царского офицера. – Ты как?

Тишина. Безмолвная и страшная.

– Игнат Севастьянович, – повторил Зюзюкин и перевернул старшину на спину. Тут же отшатнулся.

Сухомлинов был мертв. Огромные темные глаза, теперь уже безжизненные, смотрели куда-то вдаль. Невольно у лейтенанта проступила слеза. Сдержался.

– Унеслась душа в рай, – прошептал он.

ГЛАВА 1

Восточная Пруссия. Апрель 1745 года

Первая мысль – умер и попал на тот свет. Вот только одна загвоздка, в Бога последние семь лет Сухомлинов не верил. Да и как в него верить, когда он допускает такое. А раз Бога нет, то и загробной жизни тоже не существует. Отсюда вывод – он еще жив. Сержант пошевелил рукой. Точно – жив. Невольно двинул кистью и почувствовал, что коснулся стены. Открыл глаза. Так и есть, комната. До боли знакомая. Приподнялся. Огляделся. Знакомый комод, стол, правда, выглядевший совершенно новым, кушетка. Около стены. За стеной голоса. Говорили по-немецки. Вторая мысль – в плену. Почему тогда не убили?

Резкая боль. Схватился руками за голову. Непроизвольно взглянул на зеркало, которого он раньше здесь не видел. Оно висело там, где во время войны красовался портрет фюрера. Ахнул. Оторопел. Обомлел. Челюсть отвисла.

Тут же мысль, что кто-то портрет гусара перевесил. Полный идиотизм. Кому это могло понадобиться, и уж тем более – сейчас? И еще одна незадача. Гусар на портрете не в военном мундире с трубкой во рту, а в белой ночной рубашке с белым колпаком на голове.

Сухомлинов невольно протянул руку вперед, и гусар с картины сделал то же самое. Старшина замотал головой, барон повторил его движение. Игнат Севастьянович закрыл глаза, чтобы отогнать наваждение, и резко открыл. Ничего не произошло.

Сухомлинов поднялся с кушетки. Гусар повторил его действия. Старшина подошел и дотронулся до зеркала, теперь что это оно, Игнат Севастьянович был уверен. Человек из Зазеркалья коснулся его руки. Оба одновременно улыбнулись. Сухомлинов оттого, что больно уж забавно выглядел гусар. Барон? Тот лишь повторил за ним. Повторил, потому что...

Сухомлинов вернулся на кушетку и сел. Схватился руками за голову и закрыл глаза.

– Нет, – прошептал он отчего-то по-немецки. – Нет. Этого не может быть.

В переселение душ Сухомлинов не верил. Да вот только по ходу это произошло. Причем случилось по независящим от него причинам. Неужели судьба давала ему второй шанс? Но почему именно в тело прусского гусара? Ответов на эти вопросы не было.

Сухомлинов открыл глаза и снова подошел к зеркалу. Минут пять вглядывался в новое свое тело. Оно, сам себе признался Игнат Севастьянович, нравилось. Молодое, сильное. Вот только взгляд почему-то слегка затуманенный, словно он всю ночь гулял.

– Интересно, а как тебя звать, господин барон? – обратился Сухомлинов к зеркалу. – Молчишь. То-то. Да и с людьми, которых знал барон, будет сложно. Ведь они не будут же мне представляться. Может, мне амнезию изобразить? Не поверят.

Игнат Севастьянович отошел от зеркала. Нужно было одеться. Гусарский мундир нашел в кресле. Скомкан. Явно снимали впопыхах и с пьяного. Вздохнул. Не думал, что немцы могут напиваться до чертиков. Всегда считал это русской чертой. Неужели ошибался? Возможно. Не удержался, положил вещи

обратно и подошел к окну. Как-то он сразу об этом не подумал. Открыл створки и выглянул на улицу. Знакомый двор замка. Крепостная стена еще целая. Внизу гуси, утки. Неужели так жили в середине восемнадцатого века прусские бароны? Пожал плечами и вернулся к креслу с мундиром.

– Никогда не поверю, чтобы барон дома в военном мундире ходил, – пробормотал Сухомлинов.

Он неожиданно вспомнил, что, когда отец ушел со службы, тот военную униформу никогда больше не носил. Все больше в штатском костюме, в крайнем случае в халате. Игнат Севастьянович оглядел комнату. Так и есть. Потрепанный халат висел на вешалке. Подошел, снял, примерил. Нет, такой он в своей предыдущей жизни никогда бы не надел. Да вот только жизнь у него теперь другая. Судьба дала второй шанс.

– Уж я его потрачу, – проговорил Сухомлинов и осекся. – Никакая выпавший мне шанс не потрачу, – махнул в отчаянии он рукой. – Черные гусары долго не живут. А барон – Черный гусар.

Дверь за спиной скрипнула. Старшина обернулся. Перед ним в проеме стоял слуга. Бирюзовая ливрея, белый, накрахмаленный парик, серые, почти до колен, чулки. В руках поднос. Самому явно за четвертый десяток перевалило, а выглядит молодцом. Дай звать, это Сухомлинов отчетливо помнил, – Бертольд. На службе у барона с самого рождения.

И вновь мысль: «А откуда я это помню?» Невольно Сухомлинов за голову схватился, сорвал колпак да на пол кинул.

– Говорил я вам, господин барон, что не надо так пить. А вы меня не слушали, – произнес неожиданно Бертольд, подходя к столу и ставя поднос с едой. – Мало того, господин барон, что напились так, еще и с господином Мюллером поссорились. Вызвали на дуэль. Обещали насадить того на шпагу, как цыпленка на вертел.

– Не может быть, Бертольд! – воскликнул Сухомлинов и вдруг понял, что все это время говорил на идеальном немецком языке.

– Может, господин барон, очень даже может. Вот я, сколько вас знаю, уже давно заметил, что вы прежде что-то делаете, а потом уже думаете. Сначала безумная любовь, а потом последствия. Ладно, молодая кровь. Потом вместо того чтобы, как все дворяне, пойти в драгуны, вы по пьяни записываетесь в гусары. Да не абы куда, а в Черные гусары. Теперь вот господин Мюллер. Может, стоило не обращать на его каверзы внимание?

– Каверзы? – переспросил Сухомлинов автоматически.

– Каверзы.

Тут же в голове бывшего старшины проскочила мысль, что судьба все-таки над ним посмеялась. Погибнуть в своей прежней жизни, чтобы потом умереть в следующей? Ерунда полнейшая. Злая шутка. В голове тут же пронеслись события предыдущего дня. Невольно Сухомлинов схватился за голову и воскликнул:

– Опять!

– Да, господин барон, – сказал слуга, – вы опять, не пропустили каверзные слова в ваш адрес.

Сухомлинов промолчал. Он-то имел в виду совершенно иное. Неожиданно для самого себя Игнат Севастьянович понял, что в его голове осталась память предшественника. Вот и имя слуги знает, хотя сам его видит впервые. Помнит, что было вчера. А может, это остатки памяти? В этом Сухомлинов не был уверен.

– Что ты там мне принес, Бертольд?

– Жареный цыпленок, светлое пиво, черный хлеб. Старшина облегченно вздохнул. Одно радовало,

что переместился в тело пруссака, а не китайца. Игнат Севастьянович представить себе не мог, как бы он стал жить в этом теле? От одних только червячков

да жучков жареных его наизнанку выворачивало. В памяти всплыли последние дни перед Первой мировой войной, когда молодой Сухомлинов с дамой направился в китайский ресторан, что располагался... Впрочем, припоминать не хотелось. Воспоминания были очень уж плохими. Опозорился, одним словом. Даже рад был, что на следующий день отбывал в часть. Сухомлинов сел за стол. Отломил от курицы, которая почти целый поднос занимала, ножку и жадно откусил. Чувствовалось, что барон изрядно проголодался, да и сам Игнат Севастьянович давно не ел. Двойной голод – страшнее ничего не придумаешь. Отчего старшина с удовольствием впился зубами в мясо птицы. Все-таки Адалинда хорошо готовила. Сухомлинов даже не задумался, а кто это такая? Прекрасно знал, что так звали его кухарку. Положил куриную ножку на поднос и сделал глоток из кружки. Пиво тоже оказалось божественно.

– Бертольд?

– Да, господин барон.

– Ты не в курсе, на чем я там собирался с господином Мюллером драться на дуэли?

Увы, но этот момент в памяти как-то не сохранился. Сухомлинов прекрасно помнил, как сидели они впятером (четыре мужчины и Катарина, дочь местного бюргера) внизу замка. В гостиной. Чинно разговаривали. Пили вино. Неожиданно Мюллер отпустил шуточку сначала в адрес хозяина дома. Барон сдержался, хотя и сжал кулаки. Затем нечто подобное было произнесено и в отношении девушки. В этот раз он не выдержал. Вскочил из-за стола. Подлетел к Мюллеру и ударил со всей силы кулаком по лицу. Наглец свалился со стула как подкошенный. Две минуты лежал без сознания. Тут к барону подошел его приятель по полку и сообщил, что скорее всего господин Мюллер это просто так не оставит.

– Будь что будет, – проговорил барон и вернулся на свое место. Налил вина и осушил одним глотком.

Что было потом – он не помнил. Скорее всего Мюллер вызвал его на дуэль, а он, как порядочный человек, этот вызов принял.

– Так какое оружие мы с ним выбрали? – еще раз спросил барон. – Я ведь вчерашнего вечера не помню.

Слуга покачал головой. Вздыхнул и ответил:

– Вы предложили на шпагах, но господин Мюллер отказался. Заявил, что только он вправе выбирать оружие, господин барон.

– И какое же оружие он выбрал, Бертольд? Если не шпаги.

Слуга улыбнулся, обнажив желтые зубы.

– Пистолеты, господин барон.

– Пистолеты?

– Они самые, господин барон. Сказал, что таким образом уравнивает ваши с ним шансы.

Выходило, со шпагой господин Мюллер обращался неважно. Сухомлинов не знал, как владел холодным оружием барон, а вот он сам саблю не держал в руках аж с Гражданской. Интересно, помнила ли его память эти навыки? В этом Игнат Севастьянович как-то сомневался, а вот с оружием – были шансы. Маленькие, но шансы. Ведь с пистолетами восемнадцатого века Сухомлинов общения вообще не имел. Вот если бы был револьвер или наган, так, может быть, шансы и были бы равны, а так... Игнат Севастьянович вздохнул. Вот вляпался.

– И на какой день назначена дуэль? – спросил он, ставя кружку на стол.

– На вечер, господин барон. Судьба-злодейка явно отвела ему в новом теле короткий срок.

– Ладно, Бертольд, – проговорил Сухомлинов, – оставь меня одного. Мне нужно немного подумать.

Слуга поклонился и уже собирался уйти, как вдруг Игната Севастьяновича осенило:

– Бертольд!

– Да, господин барон!

– Принеси мне мой пистолет. Хочу потренироваться.

– Хорошо, господин барон, – сказал слуга и вышел из комнаты.

* * *

Пистолет был непривычен. Сознание отказывалось его воспринимать всерьез, а вот руки говорили, что для барона оно привычно. Вот только один вопрос сейчас волновал Сухомлинова: что сейчас возьмет верх – моторная память владения оружием, доставшаяся от прежнего хозяина тела, или его талант осваивать все новое довольно быстро. Сейчас Игнат Севастьянович пристально осмотрел устройство пистолета. Ничего на первый взгляд сложного. Ствол круглый, в казенной части обработанный двумя фигурными поясками. Хвостовая лопасть к концу расширена, и на ней прицельная прорезь. Медная мушка. Замок кремневый с железной полкой. Спусковая скоба медная. Сухомлинов улыбнулся. Даже фигурная. Явно человек, сделавший пистолет, обладал хорошим вкусом. Калибр не то семнадцать, не то восемнадцать миллиметров. Само оружие аж полметра. Один недостаток – из пистолета можно было сделать только один выстрел. Чтобы произвести второй, нужно было перезарядить. Как? Сухомлинов прекрасно знал. Сейчас, после того как Бертольд его принес, он самолично зарядил его. Подошел к окну и отворил створки. Вытянул руку и прицелился в голубя, что дремал на коньке крыши. Было любопытно, попадет он в него или нет.

Выстрелил. Комнату заволокло дымом. От непривычки чихнул. В голубя не попал. Рука все же подвела. Пуля угодила в кровлю. Черепица откололась и с грохотом упала на землю во дворе замка. Тут же из окон стали выглядывать слуги. Всех интересовало, что происходит. Барон невольно улыбнулся, развел руки в стороны и захлопнул окно. Стрельба по птицам из окна не лучшее занятие. Лучше спуститься на улицу и там потренироваться. Приобрести какой-никакой опыт. Положил оружие на стол. Решил перезарядить его чуть попозже. Тяжело вздохнул. Во время войны с таким оружием много не навоюешь. Придется вновь к сабле прибывать.

Подошел к креслу, снял колпак, затем халат и кинул на кушетку. Не выдержал и подошел к зеркалу.

– Ну и чучело, – пробормотал Сухомлинов, разглядывая себя.

Барон явно дней десять не мылся. Волосы сальные, локоны у висков напудрены и заплетены в короткую косу. Усы, длинные, черные как смоль, топорщились в стороны. Глаза слегка уставшие.

Вновь неожиданная мысль. А почему барон сейчас дома в своем замке, а не в полку? Сейчас же идет Война за австрийское наследство? Вопросов много, а вот ответов пока нет. Он даже не знает теперешнего своего имени.

Взял с кресла сначала узкие суконные штаны черного цвета с серебристым вышитым узором. Надел. Потом суконный камзол, украшенный шнурами и пуговицами. Попытался припомнить, как он называется. Не то дулам, не то долман. Камзол черный, под цвет брюк, застегивался плотно от шеи до пояса. Намотал на шею галстук. Опоясался кушаком, и только тут Сухомлинов сообразил про сапоги. Огляделся, стараясь их отыскать. Не нашел.

– Бертольд! – позвал Игнат Севастьянович.

Тут же в дверях возник слуга. Складывалось ощущение, что стоял он в коридоре все это время и ждал.

– Бертольд! Где мои сапоги?

– Вот они, господин барон, – проговорил лакей, протягивая начищенные до блеска короткие сапожки, верхний край которых был обшит серебристым галуном.

Сухомлинов взял их в руки и только теперь заметил шпоры. Скорее всего, подумал он, они медные. Надел. Собрался было ментию, короткий кафтан, надеть, да передумал. Поднял его с кресла. Отряхнул и, протянув Бертольду сказал:

– Почисти.

– Хорошо, господин барон, – проговорил слуга.

Взял ментию и ушел, оставив Сухомлинова одного. Тот же отыскивал колпак, такой же черный, как его мундир. Взял в руки и оглядел. Мирлитон с плоским верхом и откидной на правой стороне лопастью, украшенной гарусной кистью. Но больше всего Игната Севастьяновича заинтересовал вышитый нитками символ Черных гусар – серебряный череп с костями. В голове сразу возникли образы эсэсовцев. Как-то было противно держать колпак в руках, а уж надевать на голову... Сдержался. Что поделаться, что в будущем эту эмблему испоганят. Взял со стола пистолет. Перезарядил и собирался было выйти, как в кабинет вошел старый приятель барона Иоганн фон Штрехендорф.

– Вы куда-то собрались, Адольф? – спросил он. Вот когда начинаешь жалеть, что тебя зовут так,

а не иначе. Обычно имена выбирают родители, и ничего тут уже не поделаешь, но в ситуации с Сухомлиновым судьба словно поиздевалась над ним. Оставалось только надеяться, что фамилия барона была не Шикльгрубер. А еще бы не хотелось: Геринг, Геббельс и Гиммлер. Впрочем, решил Игнат Севастьянович, вполне возможно, что Адольфом Сухомлинов

пробудет всего лишь несколько часов, а затем тело бедного барона предадут земле, а он вновь умрет.

– Я решил немного поупражняться в стрельбе, Иоганн, – проговорил бывший старшина. – Давно этого не делал.

– Ага, с позавчерашнего вечера, когда мы с тобой с выстрелами и песнями въехали в твой замок.

Приятель подкинул в небо пустую бутылку из-под вина. Он осушил ее сам. Предлагал барону, да вот только Сухомлинов отказался. Как бы ни складывались обстоятельства, а на дуэль нужно было идти с трезвой головой. Игнат Севастьянович вытянул руку и прицелился. У него была мысль сперва прогуляться по замку, тем более что приятель барона появился как раз вовремя, но одумался. Если жив останется после дуэли, так само собой будет возможность изучить свои владения. Причем сделать это так, чтобы не вызвать у окружающих кривотолков. Что это барон по замку ходит, словно никогда здесь раньше не бывал?

Прицелился. Выстрелил. Бутылка разлетелась вдребезги. На землю посыпались осколки.

– Уже уверенно, Адольф, – проговорил фон Штрехендорф.

Иоганн недоуменно смотрел на своего товарища по полку, когда тот сделал первые неудачные выстрелы. Он никак не мог взять в толк, почему барон так плохо стреляет. Ведь гусар прекрасно видел, как до этого тот, в каком бы состоянии ни был, владел пистолетом. Помнил, как они вдвоем, пьяные вдрабадан, отбивались от австрийков. Тогда минут десять продержались, пока не подоспели товарищи по полку.

Пока барон перезаряжал пистолет, а делал он это тоже на удивление медленно, фон Штрехендорф осушил еще одну бутылку.

– Ты готов, Адольф? – поинтересовался он.

– Готов, дружище, – сказал Сухомлинов и вытянул руку.

Иоганн, пошатываясь, подкинул бутылку в воздух, не устоял на ногах и упал в лужу. Игнат Севастьянович выстрелил. Бутылка вдребезги. Поднес ствол ко рту, дунул и только потом взглянул на гусара. Тот как свинья копошился в луже.

– Какой из тебя, к черту, секундант, – прошептал он. Повернулся в сторону дома и, увидев стоявшего у дверей и смотревшего, как господа упражняются в стрельбе, слугу, прокричал: – Бертольд, иди сюда!

Тот подошел. На фон Штрехендорфа даже не взглянул.

– Чем могу служить, господин барон?

– Унеси это тело в дом, – проговорил Сухомлинов. – Пусть проспится. Одежду отдай, чтобы почистили, нехорошо, если он пойдет на мою дуэль грязным, как свинья. Затем, если через пять часов в себя не придет, попытайся отпоить.

– Хорошо, господин барон.

Бертольд подошел к валявшемуся гусару и попытался его поднять. Выругался. Тут же ушел, отчего Сухомлинов проводил слугу удивленным взглядом. Затем вернулся, но уже не один, а с двумя здоровыми парнями. Игнат Севастьянович, помня, с какой прытью Фридрих II Великий забирал таких гигантов в прусскую пехоту, удивился, почему те не оказались там. Между тем Бертольд дал тем указания. Они подошли с двух сторон, не обратив внимания на лужу, и подняли гусара под руки. Поволокли. Начищенные до блеска сапоги покрылись пылью.

Между тем Сухомлинов перезарядил пистолет. С каждым разом стрелял он все увереннее и увереннее. Не то приноровился к незнакомому оружию, не то опыт, доставшийся от барона, передался «по наследству». Огляделся. Кидать пустые бутылки теперь некому было. Заметил краем глаза сороку, что сидела

на ветке дерева. Прицелился и выстрелил. Птица не успела взлететь. Свалилась на землю.

– Уже лучше, – похвалил себя Сухомлинов.

Он уже было собирался еще раз перезарядить пистолет, да только не успел. Окно на первом этаже, там, где (если память Игнату Севастьяновичу не изменяла) была кухня, распахнулось, и высунулась полная женщина лет пятидесяти. Темно-серое платье, белый передник, волосы спрятаны под чепчиком. В руках поварешка.

– Господин барон! – прокричала она, Сухомлинов вздрогнул. – Обед готов, господин барон.

– Иду, Адалинда! – крикнул он в ответ. Запихнул пистолет за кушак и направился к дому.

Стол, на удивление, от яств не ломился. Первое, что предположил старшина, так это то, что барон к зажиточным землевладельцам не относился. Отчего и подался по наставлению покойного батюшки в созданный совершенно недавно полк Черных гусар. Сухомлинов невольно вздрогнул. Воспоминание из совсем еще недавнего прошлого барона всплыло в его голове. Причина нахождения бравого вояки в поместье, а не в полку с товарищами оказалась довольно банальна. Несколько дней назад его отец Христиан фон Хаффман, в этот момент Игнат Севастьянович вздрогнул, приказал долго жить. Предчувствуя скорую кончину, послал человека в полк с прошением отпустить отпрыска проститься с ним. Подполковник Винтерфельд тут же подписал разрешение, дав Адольфу фон Хаффману неделю срока на улаживание всех дел. Зная шепутной характер барона, заодно порекомендовал тому взять с собой фон Штрехендорфа.

Приехали, когда Христиан фон Хаффман почил, барон тут же потребовал прочитать завещание батюшки. Слегка расстроился, так как большую часть составляли долговые расписки. Затем предал родите-

ля на местном кладбище земле и начал осваиваться, в первую очередь пригласив в свои владения кредиторов, среди которых оказался господин Мюллер и местный бюргер Генрих Шлаг, последний прибыл на следующий день, но не один, а с дочерью, молодой *fraulein* по имени Катрин. Когда молодой барон ее увидел, у него глаза тут же заблестели. Он словно вторые крылья приобрел. Бюргер тут же смекнул, что к чему, и незаметно, почти по-английски удалился. Старик явно рассчитывал с помощью красивых глазок дочери прибрать в свои руки угоды барона. А как это сделать, если не женить на единственном чаде молодого повесу.

Вот и гуляли впятером накануне вечером: молодой барон, фон Штрехендорф, Катрин да господин Мюллер с приятелем. Ну, а там само собой ссора и дуэль.

Сухомлинов зачерпнул ложкой из фарфоровой миски сырного супа и поднес сначала к носу. Принюхался. Пахло непривычно. Игнат Севастьянович никогда такого блюда не пробовал, в обычной жизни предпочитая густые серые щи да сытную душистую уху. Запихнул ложку

с похлебкой в рот и закрыл глаза, пытаясь понять, что в нее намешано. Узнал картошку, лук, фарш. Зачерпнул еще и ощутил вкус сыра и грибов. Хорошо, что Адалинда умелая хозяйка и сотворила из всех этих ингредиентов вкуснейшую вещь.

Сухомлинов улыбнулся и подмигнул стоявшей в дверях кухарке. Та сразу покраснела от смущения, но не ушла, а стала и дальше смотреть за реакцией хозяина, опасалась, что может просто не угодить барону.

Игнат Севастьянович отставил тарелку в сторону, и тут же молодой слуга, все в той же серого света ливрее и белом, накрахмаленном парике, поставил ему второе блюдо. Затем аккуратно положил перед бароном вилку и ножик. Сухомлинов облегченно вздохнул. Старый добрый бигус. Блюдо

традиционное и популярное не только в Польше, Литве и Белоруссии, но и в России. Тушеная квашеная капуста с копченой колбасой. Как раз чтобы баланс витаминов в организме привести в норму. Только бы за трапезу приняться да обедом насладиться в полной степени, так нет, принесла нелегкая пастора. Аппетит тут же испарился.

– Я гляжу, вы не рады меня видеть, сын мой, – проговорил старый пастор в дверях.

– Как вы догадались? – пробурчал Сухомлинов.

– Да я вот погляжу, у вас и аппетит куда-то пропал. Тарелочку отодвинули. Али есть не желаете?

Священник прошелся по комнате, заглянул пристально сначала в глаза Бертольду затем молодому слуге Зигфриду. Хищно улыбнулся и опустился на соседний стул. Пододвинул к себе тарелку с бигусом. Втянул носом исходящий от еды аппетитный запах и проговорил:

– Так ежели у вас аппетита нет, господин барон, вы не будете возражать, если столь отменно приготовленный обед скушаю я?

И, не дожидаясь ответа, начал смачно поглощать капусту.

– Чем обязан столь важному визиту, господин пастор? – поинтересовался Игнат Севастьянович, надеясь, что правильно обратился к священнику.

Пастор не отреагировал. Его сейчас больше интересовал обед. Казалось, ему было все равно, пост сейчас или нет. Главное было – набить брюхо.

– Хотелось бы узнать причину столь раннего визита? – полюбопытствовал Сухомлинов.

– Ваша дуэль, барон. Мне стало известно, и, вполне возможно, слухи могут поползти по округе. А если они достигнут ушей короля Фридриха, наказания вам будет не избежать...

– Если я не погибну на дуэли, ваше преподобие.

– Погибнете? – удивился пастор.

– А почему бы и нет?! Звезды не так расположатся, карты не так лягут, да и сам Господь Бог решит, что пришел конец моему пребыванию на этой грешной земле.

– Ежели Господь хотел бы вас забрать к себе, он бы нашел куда более подходящий способ.

Другой способ, отметил про себя Игнат Севастьянович, уже был. Там, в теперешнем будущем. Сейчас судьба давала еще один шанс умереть, но уже в результате лотерей. И все же, что ему предпринять? Поддаться уговорам пастора и, если господин Мюллер принесет извинения, не участвовать или же все же стреляться? В поисках ответа Сухомлинов взглянул на священника, словно тот знал ответы на его вопросы. А между тем пастор доел бигус и отодвинул тарелку.

– Хорошо приготовлено, – проговорил он. – Все же ваша кухарка лучшая в этих краях, барон. И все же я бы предложил вам закончить все это дело по-хорошему. Поскандалили, поругались и разошлись.

– Вас послал господин Мюллер, зная, что я хорошо владею любым оружием, ваше преосвященство?

– Да упаси Бог, господин барон. Господин Мюллер мне так же противен, как и вам. Таким жмотам, как он, незачем жить на этом свете, а гнить нужно в аду. Гореть в геенне огненной!

Экак заговорил, отметил про себя старшина. Гнить в аду, гореть в геенне огненной. И за какие это грехи?

– А перед вами-то чем провинился господин Мюллер?

– Я денег у него просил на ремонт костела. Он не дал. Вернее, давал, но под проценты. Это на дом Божий да под проценты?!

Меркантильные интересы, отметил Сухомлинов. У самого небось деньги под подушкой в чулке хранятся. Игнат Севастьянович взглянул на пастора пристально.

– А может, это, его, того?

– Чего того, господин барон? – не понял священник.

– Пристрелить.

– Да упаси Бог. Пусть живет.

– А может, припугнуть? Так, слегка, чтобы он потом на все службы ходил. Да и на собор во спасение его никчемной жизни денежек пожертвовал?

– Припугнуть? – удивился пастор.

– Припугнуть. Ранить слегка, да так, чтобы вы потом его отходили.

Священник побледнел. Рыгнул. Затем гневно взглянул на барона, потом ударил кулаком по столу и лишь только тогда произнес:

– Да что вы такое говорите, господин барон.

– Ладно. Пошутил я. Стреляться все равно будем. Решение я не поменяю. Ауж там пусть сам Бог решает, кому жить на этой грешной земле, а кому нет.

– Эх, господин барон, господин барон, – прошептал священник, – выходит, я вас убеждал. Ладно, так и быть, пойдемте в вашу комнату.

– Это еще зачем? – вспыхнул теперь в свою очередь Сухомлинов.

– Исповедоваться. Ваш противник уже исповедовался. И вскорости прибудет. Кстати, где ваш секундант?

– Почивать изволит, – прошептал Игнат Севастьянович, – умаялся. – Взглянул на пастора: – А здесь нельзя?

– Нельзя что? – не понял тот.

– Исповедоваться?

– Вы странный, господин барон, – проговорил монах, – словно первый день живете. Нельзя. Тайна исповеди.

– Ладно, пойдемте. Надеюсь, эта процедура не займет слишком много времени.

Пока поднимались в покой, Игната Севастьяновича вдруг посетила мысль. А ведь он, если по совести говорить, живет-то в этом теле и в этой эпохе первый день. Там, сначала в царской, а затем и в советской России, все было совершенно по-другому. Дуэлей старался избегать, а если кто и напрашивался, то оба противника старались это дело проделать по-тихому. Предпочитая в основном холодное оружие и ведя поединок до первой крови. Вот только самих дуэлей было раз-два и обчелся. Война Гражданская – там уж не до выяснения отношений. А тут первый день, и сразу в пекло. Повезло, одним словом.

«Интересно, – подумал Сухомлинов, – а что я такое сделал, что мне вот такую судьбу уготовили? Вроде не грешил?»

Вот в чем каяться, когда не знаешь, в чем твой предшественник нагрешил? Общие фразы, удивительно, что пастор поверил. Грехи отпустил, а также посоветовал оставить завещание. Кому? Это уже другой вопрос.

– Вы считаете меня уже покойником, ваше преподобие? – спросил Сухомлинов.

– Нет, конечно, – опустив глаза, пробормотал священник, – но все же. Пути Господни неисповедимы. Мы же не знаем, какой срок вам отпустил Господь.

– А нам и не нужно, – сказал Игнат Севастьянович, – иначе жить было бы довольно скучно. Вот вам, святой отец, не скучно?

– Скучно?

– Ну, да. Вам ведь должно быть скучно. Каждый день одно и то же. Покойники, прихожане, проповеди. Ну, изредка какой-нибудь заблудшей овце, такому, как я – сорвиголове, грехи отпустите. Разве не скучно?

– Не скучно. Ведь и у вас разнообразия как такового нет.

– Зато у меня каждый день может быть последним. Пастор понимающе кивнул:

– О, да. Вы же гусар. Постоянно рветесь в бой. Геройствуете. А вам это нужно? Вот и сейчас отправляетесь на дуэль, а наследника, которому вы могли бы завещать все это, – настоящий обвел рукой помещение комнаты, – нет.

– Так зачем же мне тогда завещание писать? – уточнил Сухомлинов.

Пастор промолчал. Взглянул в потолок, словно пытаясь сквозь каменный свод разглядеть небосвод.

– Может, пойдем в гостиную? – вдруг переменял тему разговора священник.

– Вы как желаете, господин пастор, – проговорил Сухомлинов, – а я бы хотел остаться.

– Как пожелаете, господин барон.

Пастор встал. Подошел к двери, но, прежде чем покинуть помещение, остановился и взглянул на Сухомлинова, словно пытаясь понять, что у барона на уме. Когда же фон Хаффман подошел к окну, улыбнулся и вышел, старшина на него даже внимания не обратил. Мысли крутились в голове, словно рой пчел. Все перемешалось. Судьба сначала дала шанс пожить новой жизнью, а теперь, выясняется, не надолго.

Информации о бароне было мало. Звали его Адольф фон Хаффман. Служил в полку Черных гусар. К тому же не безразлично относился к спиртному – любил выпить, о чем свидетельствовала головная боль поутру. Скорее всего – бабник, причем такой, который ценит в женщинах не только одну красоту, но и ум. И дамочек в обиду ни одному прохвосту, каким скорее всего являлся Мюллер, не даст.

– Сейчас нужно будет во что бы то ни стало, – проговорил вслух Сухомлинов, – заставить Мюллера извиниться или на худой конец выйти победителем.

Он отошел от окна и опустил в кресло. Достал трубку. Барон очень любил курить, причем курил

очень дорогой табак. Сухомлинов попробовал табак на зуб, затем понюхал и только потом набил трубку. Закурил. Выпустил в воздух несколько колечек дыма и втянул их носом. Действительно, очень дорогой табак. Когда-то, еще в годы своей юности, во время Первой мировой войны, ему удалось точно такой же попробовать. Однажды им удалось захватить в плен германского офицера. Тот, как потом выяснилось, был заядлым курильщиком.

Закашлял с привычки. Все же самосад, коим он баловался во Вторую мировую, был помягче.

– Бертольд! – прокричал барон, откладывая трубку в сторону.

Ждать пришлось недолго, старый слуга вскоре появился в дверях.

– Бертольд, как там мой приятель?

– Поставили на ноги, господин барон, – ответил тот.

– Надеюсь, он будет соображать, – проговорил Сухомлинов, – иначе толку от такого секунданта.

– Обещаю, что будет, господин барон. Сухомлинов поднялся из-за стола. Подошел к слуге, обнял его за плечо и проговорил:

– Проводи меня к нему, друг мой.

Бертольд удивленно взглянул на своего хозяина. Тот так никогда не говорил. Да и поведение барона какое-то сегодня странное. Может, опасается, что сегодня его дуэль последняя? Но, как бы то ни было, повел хозяина в комнату, где сейчас завтракал фон Штрехендорф.

Комната находилась на первом этаже. Недалеко от кухни, отчего, когда в нее, следом за Бертольдом, вошел Сухомлинов, он ощутил запах готовящегося уже ужина. Небольшая, явно предназначенная для прислуги и до этого не использовавшаяся по назначению, она сейчас пригодилась. Все убранство – стол, кровать, старенький деревянный стул. За столом,

поглощая бигус, сидел и обедал фон Штрехендорф. Увидев своего приятеля, он тут же отложил ложку.

– Рад тебя видеть, Адольф, – проговорил он.

– Ты как, Иоганн?

– Со мной все в порядке.

– Не забыл, что являешься моим секундантом?

– Что ты, дружище. Сейчас я пообедаю и буду готов на все сто.

– Вот и хорошо.

Неожиданно дверь за спиной скрипнула, и на пороге появился слуга.

– Прибыл господин Мюллер, господин барон, – доложил он.

– Ну, что же, я, по крайней мере, готов. Решение менять не буду, если только господин Мюллер не принесет извинение Катрин. Причем сделает это в нашем с тобой присутствии, Иоганн.

– Полностью с тобой согласен, – проговорил фон Штрехендорф. Он положил ложку с вилкой на стол и добавил: – Я готов, Адольф.

Оба выстрела грянули одновременно. Дым окутал поляну. Секунданты тут же кинулись к своим подопечным. Подбежали почти одновременно.

– Ну, что там у вас, фон Штрехендорф? – поинтересовался Курт, секундант господина Мюллера.

– У нас все нормально, – отозвался не Иоганн, а барон. – Ваш приятель очень плохо стреляет.

– Стрелял, господин барон, – поправил Сухомлинова Курт. – Зато вы отменный стрелок. Прямо в сердце. Господин Мюллер даже не мучился.

– Вам его жалко, Курт? – спросил Игнат Севастьянович, подходя ближе.

– Пожалуй, нет. Мерзкий человечиска был.

Сухомлинов удивился. Второй человек так негативно говорил о покойнике. Обычно о покойниках либо хорошо, либо ничего. Ладно, пастор, но этот?

Вроде друг, и даже согласился принять участие в дуэли, зная, что за это по головке не погладят.

– Эвон как? – прошептал Игнат Севастьянович. – Но вы же его друг?

– Поддерживал отношения только из-за светлой памяти его отца. Вот тот был сама доброта. А Фриц, увы, пошел не в него.

– Я надеюсь, вы знаете, Курт, что теперь делать?

– О да. Никто не будет подымать шума. Сухомлинов еле сдержался. О дуэли знала вся округа, за вечер слух разошелся довольно быстро. Того и гляди, как бы не нагрянула полиция и не, разбираясь, кто виноват, всех засадила бы в тюрьму.

– Вы же подтвердите, что я предлагал все это закончить миром? – уточнил Игнат Севастьянович.

– Само собой, господин барон. Вы же видели, что я настаивал на том, чтобы господин Мюллер принял ваши условия и принес извинения девушке. Но он отказался, и в итоге вот, – секундант указал рукой на тело.

– А ведь на его месте мог быть и я, – проговорил Сухомлинов.

– Могли, – согласился Курт, – да, видно, судьба на вашей стороне.

– Судьба, – прошептал барон, – вот только на чьей она стороне, решать, по всей видимости, королю. Может быть, вот это, – он рукой показал на Мюллера, – лучший исход. Гнить в

застенках, на хлебе и воде не такая уж завидная участь. Иоганн, – проговорил он фон Штрехендорфу когда тот подошел к ним, – выдели Курту денег на погребение.

Отошел в сторону. А ведь как все начиналось...

С фон Штрехендорфом они вышли в гостиную, где их уже ждал господин Мюллер и его секундант Курт Вернер. Одного взгляда Игнату Севастьяновичу хватило, чтобы понять, отчего его противник выбрал пистолеты. Вряд ли тот при его тучности мог бы с лег-

костью фехтовать шпагой или саблей. На Мюллере был коричневый кафтан с золотой вышивкой, точно такого же цвета брюки, заправленные в оранжевые сапоги, белоснежный накрахмаленный парик, потрепанная треуголка, а в руке трость. Вернер был одет попроще. Кафтан поношенный, брюки короткие до колен, мышинного цвета чулки и черные лакированные туфли с посеребренными пряжками. Под мышкой он держал коробку с дуэльными пистолетами.

– Добрый вечер, господин барон, – приветствовал Сухомлинова господин Мюллер, снимая с головы треуголку. Каким бы грубияном и проходимцем тот ни был, отметил Игнат Севастьянович, а в вежливости ему не отказать. – Надеюсь, я не заставил себя долго ждать?

– Вы вовремя, господин Мюллер, – ответил барон, – мы как раз с господином фон Штрехендорфом обедали.

– Вот и славно, господин барон, – проговорил дуэлянт и улыбнулся. – Умирать на пустой желудок – это большой грех. Кто знает, как там кормят.

– Где?

– А я не знаю, куда вы попадете, господин барон. Может, в рай, а может, и в ад.

– Не будем так далеко заглядывать, господин Мюллер.

– И то верно. – Толстяк достал часы и, взглянув на них, молвил: – Я скорее умру, чем возьму свои слова назад, господин барон.

– Значит, мое предложение озвучивать не стоит?

– Думаю, что нет. – Он взглянул на Вернера. – Курт, засвидетельствуй, что предложение господина барона закончить дуэль, так и не начав, я отверг.

Секундант утвердительно кивнул. Тут же протянул коробку. Фон Штрехендорф открыл ее и вытащил оба пистолета. Убедившись, что оба являются близнецами

и отличаются только цифрами 1 и 2, положил их обратно.

– Вот наши условия, господин Мюллер, – проговорил Иоганн. – Во-первых, дистанция стрельбы не должна быть меньше 7 шагов. Во-вторых, – продолжал фон Штрехендорф, – если кто-нибудь из них будет серьезно ранен при первом выстреле, дуэль должна быть прекращена, если раненый признает, что его жизнь в руках соперника. Вы принимаете условия, господа?

– Да, – хором ответили оба дуэлянта.

– Тогда пройдемте на улицу. Там нас ждет карета. Вскоре (Мюллер с секундантом в карете, а барон

с товарищем на лошадях) они приехали на отдаленную поляну, пригодную для дуэли. Снег в этом месте уже почти сошел, и под ногами была сырая земля. Лужайку окружал густой лес, к тому же она была в стороне от дороги, так что дуэлянтам никто не мог помешать. Приятелями спрыгнули с лошадей, Мюллер и Вернер выбрались из кареты, последний, наверное, уже пожалел, что надел туфли.

– Хорошее место, – отметил фон Штрехендорф. – Давайте пистолеты, Курт, пора их зарядить.

Невольно Сухомлинов потянулся.

– Хорошо-то как. Даже умирать не хочется. Правда ведь, господин Мюллер?

Противник промолчал. Игнат Севастьянович улыбнулся. Не хочет говорить – не надо. Снял с себя черную ментию и прикрепил к седлу. Остался в одном доломане. Его противник скинул кафтан, оставшись в бирюзовом камзоле и белой накрахмаленной рубашке.

– Господин барон, – обратился к Сухомлинову Курт. – Не могли бы вы расстегнуть свой доломан! Мне нужно убедиться, что под ним ничего нет.

– Вы считаете меня столь бесчестным человеком?

– Что вы, господин барон. Но порядок требует.

– Порядок, – прошептал Игнат Севастьянович. – Так и быть. – Он распахнул доломан. – Ну, убедились?

– Да, господин барон. Теперь вы, господин Мюллер, – попросил Курт, – не хотелось, чтобы нас потом обвинили в нечестной игре.

После того как дуэлянт выполнил его просьбу, фон Штрехендорф протянул заряженные пистолеты.

– Итак, господа, если вы не передумали, так, может, начнем?

Оба взяли пистолеты. Сошлись на середине поляны. Один из дуэлянтов направлялся на север, второй на юг, секунданты соответственно на запад и восток. Отсчитали положенное количество шагов, остановились, и Курт дал отмашку рукой. Первым стрелял господин Мюллер и промахнулся. Вот только Сухомлинов не спешил. Ему вдруг вспомнилась дуэль в кадетском корпусе. Тогда он всего лишь ранил противника, и тот признал себя побежденным. Вот и сейчас Игнат Севастьянович решил дать господину Мюллеру последний шанс. Он не торопясь прицелился и выстрелил. Ранил того в левую руку, как раз около указательного пальца.

– Может, не стоит продолжать дуэль, господин Мюллер? – язвительно спросил Сухомлинов, протягивая свой разряженный пистолет фон Штрехендорфу

– Отчего же прекратить? Это всего лишь царапина, а не тяжелое ранение, – ответил тот, вручая свое оружие Курту.

– Я гляжу, вы спешите умереть, господин Мюллер.

– Да и вы тоже.

– Поверьте мне. Смерть не такая уж и замечательная, как кажется. Жизнь дается только один раз.

– Откуда вам знать, господин барон? Разве вы умирали?

– И не один раз, господин Мюллер. Поверьте мне на слово.

Фон Штрехендорф удивленно взглянул на приятеля, но ничего не сказал, да и сам Сухомлинов не стал вдаваться в подробности того, что совсем недавно он был совершенно другим. Знать тайну его перемещения из одного времени в другое, а тем более из одного тела в другое, кроме него, никому не обязательно.

Пистолеты розданы. И оба выстрела прозвучали одновременно. Все окуталось дымом. Сухомлинов точно знал, что Мюллер в него не попал, а вот попал ли он сам? Подбежал фон Штрехендорф. Оглядел его с ног до головы. Убедился, что цел. И тут раздался голос Курта.

– Прискорбно, – проговорил Сухомлинов, повернувшись к секундантам. – Выходит, я втянул вас в неприятности. Пастор мне ведь говорил, что слухи уже пошли. Я пытался остановить.

Мысль о том, что судьба все же издевается над ним, не давала Сухомлинову покоя. Оставалось надеяться, что она вновь выкинет какой-нибудь фортель.

– Нужно распространить слух, – проговорил Курт, – что господин Мюллер уехал в дикую Россию. Если уговорить пастора, то тогда все поверят.

– Пастора, – прошептал Сухомлинов.

Игнат Севастьянович прекрасно понимал, что задаром тот ничего делать не будет, а уж тем более зная настоящую причину. Решение нашел Курт.

– Господа, неужели вы считаете, что мой приятель оставил бы в живых барона?

Оба гусара удивленно взглянули на Вернера.

– Я не знаю истинных причин, – продолжал секундант, – но Мюллер специально спровоцировал вас. Сначала он попытался задеть вашу честь, но вы сдержались. Затем задел девушку,

и вы не выдержали. Ваша реакция была молниеносной. Один удар, и Мюллер лежал на полу. Честно признаться, такой реакции он от вас не ожидал, но это было даже лучше.

Зная, как вы прекрасно владеете саблей, мой друг выбрал пистолеты. Прогadal. Фортуна отвернулась от него. Финал вы сами видите.

– К чему это все, господин Вернер? – полюбопытствовал Иоганн.

– А к тому, что господин Мюллер прихватил лопаты, чтобы придать тело барона земле. Он хотел сообщить, что дуэль не состоялась. Вы приняли его извинения и, не заезжая в бывший свой замок, который подарили ему в качестве морального удовлетворения, уехали в Австрию. Так как опасались, что только за одно участие в дуэли вам уготована смертная казнь. Мюллер постарался бы, чтобы вас не стали искать.

– А если мы поступим точно так же? – спросил Сухомлинов.

– Боюсь, господин барон, – проговорил Курт, – у вас нет тех денег, коими владел покойный.

– Плохо. И что же нам остается делать?

– Придать, – секундант кивнул в сторону Мюллера, – тело земле. И пустить слух, как вы и предлагали, что господин Мюллер уехал из Пруссии в неизвестном направлении. Как он выезжал из своего дома в ваш замок, никто не видел. Скажем, что Мюллер просто испугался поединка и предложил ретироваться до лучших времен.

– А ведь отлично придумано! – воскликнул фон Штрехендорф. – Ну и где наши лопаты?

Тело господина Мюллера предали земле. Пастору посулили денег на собор, и тот пообещал уладить проблемы. Увиделись с Катрин. Девушка очень опечалилась отъезду барона. У Сухомлинова на секунду промелькнула мысль, что та была влюблена в Адольфа. После обеда выехали из замка, а уже через пять часов остановились на постоялом дворе, где и столкнулись с гонцом от полковника Винтерфельда. Тот приказывал немедленно прибыть в полк, так как начиналась военная кампания против австрийских войск, и полк Черных гусар должен был скрестить свое оружие против армии Надасти.

– Сегодня переночуем в гостинице, – проговорил Сухомлинов, складывая письмо. – А завтра поутру выступим в дорогу. Вряд ли эти несколько часов что-то изменят.

Ночью, когда фон Штрехендорф сладко посапывал в постели, накинув доломан и прихватив трубку, Сухомлинов выскользнул на улицу. Нашел недалеко от постоялого двора поваленное дерево. Разместился на нем и закурил.

В голове у него вновь кружились мысли. После того, как Сухомлинов избежал смерти на дуэли, жизнь стала приобретать новые краски. Ясно было одно, что вернуться в свое время он не мог. Игнат Се-вастьянович выпустил колечко дыма в черное звездное небо и вздохнул. Там, во время самой ужасной войны в истории человечества, он погиб. Здесь же его судьба неопределенна. Он совершил убийство, пусть и по правилам дуэльного кодекса. Но все равно, как бы это ни именовалось, это было преступление. А как говаривал Сократ: «Все тайное становится явным». Кто-нибудь проговорится, и слухи дойдут до высших инстанций, а тогда смертной казни не избежать.

– А что мне делать? – произнес вслух старшина. – Бежать в Россию, где я буду обычным немцем без званий и имени? Остаться в Пруссии, ввязавшись в кровавую войну?

Ответов не было. И все же выход, по мнению Игната Севастьяновича, пока был.

Австро-прусская война за наследство могла стать отправной точкой. Там, глядишь, если отличишься в сражении, старик Фриц может простить его за необдуманый и дерзкий поступок, пусть и защищавший женскую честь.

Сухомлинов затушил трубку. Выбил остатки табака на землю и направился на постоялый двор. Проскользнул в комнату. Иоганн фон Штрехендорф по-прежнему мирно посапывал в постели. Старшина улыбнулся. Вот кому можно позавидовать. Так же над головой висит дамоклов меч, а ему хоть бы что, спит как убитый.

Сухомлинов стянул сапоги. Забрался в постель, натянул одеяло чуть ли не по макушку и уснул.

Проснулся он с первыми петухами. Его приятель был уже на ногах и брил подбородок.

– Горазды вы спать, Адольф, – проговорил он.

– Устал, как собака. Все опасаясь, как бы нас с вами за участие в дуэли не арестовали.

– А чего опасаться? – улыбнулся гусар. – Когда дойдет слух о случившемся, мы уже будем биться с австрияками. А там, глядишь, либо прославимся, либо Бог приберет нас к себе.

– Я бы не хотел так рано умирать, – проговорил Сухомлинов, поднимаясь с кровати и одеваясь.

– У нас с вами, барон, просто нет выбора, – молвил Иоганн. – Черные гусары долго не живут.

ГЛАВА 2

Гогенфридберг. Июнь 1745 года

В костре потрескивал хворост. Серый дым устремился в тесное ночное небо. Доносилось ржание лошадей, громкие разговоры и задорный смех гусаров над сальными шуточками. Кто-то чистил сабли, кто-то возился с конской сбруей.

Барон Адольф фон Хаффман пошевелил веткой в костре. Оглядел своих приятелей: Иоганна фон Штрехендорфа и Ганса Шнейдера. Улыбнулся, оскалив нечищенные желтые зубы. Как ни пытался бывший царский офицер их выбелить, у него ничего не получалось. В итоге вынужден был смириться, посчитав, что виной всему, скорее всего, трубка. Попытался бросить, но не смог, все равно, ни сигарет, тех, что курил во времена Российской империи, ни папирос, коими баловался в совдеповские времена, тут найти было невозможно. Та память, что досталась Сухомлинову в наследство от предшественника, позволила ему быстро освоиться с непривычной по своей конструкции трубкой. Например, барон выяснил, что его предшественник, в отличие от его приятелей, которые табак утрамбовывали в чашечке тампером, делал это с помощью большого пальца. Табак предпочитал хранить в кисете, не иначе подаренном когда-то дамой, с вышитой серебряными нитками

латинской буквой Н. К тому же имелось огниво. Это тебе не коробку с папиросами в кармане френча таскать. Да и набивал трубку фон Хаффман как попало. Адольф фон Хаффман выпустил в небо несколько колец дыма и взглянул на товарищей. С фон Штрехендорфом он (в данном случае – Игнат Севастьянович) был знаком с апреля, когда его приятель непроизвольно стал участником дуэли. С Ганцем Шнейдером – в начале мая, когда они с Иоганном прибыли в полк. В тот момент барон отметил одну загадочную и непонятную неожиданность, случившуюся с ним. Где-то в глубине его души неожиданно срабатывал механизм при виде того или иного человека. В памяти тут же всплывали все сведения о товарищах барона. Вот и при виде Шнейдера Сухомлинов понял, что этот человек не раз прикрывал спину гусара во время батальи, как, впрочем, и сам барон. Именно ему, а не кому-нибудь другому и рассказали приятели о происшествии в замке фон Хаффмана. Тогда Ганс ответил просто:

– В хорошую вы историю угодили, господин барон. Если слухи о том, что вы участвовали в дуэли, дойдут до старого Фрица...

Шнейдер не договорил. Промолчал. Впрочем, и так было ясно, что им грозит.

– Даже если вы отличитесь в сражении, – добавил он, тут же вернув Сухомлинова с небес на землю, – и тем самым получите амнистию от самого старого Фрица, шансы равны нулю. Остается надеяться, что информация не дойдет до короля. Но, увы, господа, в это мало верится. Кстати, – вдруг обратился Ганс к Адольфу, – а кто это такой – господин Мюллер?

Сухомлинов попытался вспомнить. Увы, но, кроме того, что это один из соседей, припомнить больше ничего не смог.

– Давайте, Ганс, не будем его больше вспоминать, – произнес он. – О мертвых либо ничего, либо хорошо. А сказать хорошего о нем я ничего не могу.

– Бог с ним. Мне неважно – хороший он был человек или плохой. Сейчас не это главное. Меня больше интересует его статус в обществе. Он, случаем, не военный?

Тут уж рассмеялся Иоганн.

– С таким брюхом, как у господина Мюллера, я просто не могу представить его военным, – проговорил фон Штрехендорф. – Служить в армии, тем более старины Фрица, тяжело. Скорее всего обычный, зажиточный бюргер, промышлявший какой-никакой коммерцией и ростовщицеством.

– Вот-вот, – согласился Сухомлинов, – что-что, а деньги он под проценты любил давать.

– В хорошую же вы историю влипли, господа, – вновь произнес Шнейдер. – Будем надеяться, что и Фридрих задолжал в свое время этому дельцу.

Последние слова Ганс произнес с иронией и грустью в голосе.

Но как бы тони было, а уже на следующий день оба гусара, отдохнув, явились на квартиру, что снимал в одном из домов города полковник Винтерфельд. Именно в это утро Сухомлинов решил для себя, что отныне Игната Семеновича Сухомлинова просто не существует. Что теперь он должен отказаться почти от всех своих старых привычек. Теперь он не кто иной, как Адольф фон Хаффман.

Но, когда прибыл на квартиру полковника, понял, что военная жизнь восемнадцатого века между сражениями не сильно изменилась. Все та же расхлябанность, пусть и с немецкой дисциплиной.

Ганс Карл фон Винтерфельд оказался не таким уж и страшным, как его описывали учебники истории в России в конце девятнадцатого века. Высокий, стройный, розовощекий. В скромном темно-синем

мундире, белых чулках и черных, начищенных до блеска туфлях, он стоял у стола, склонившись над картой, когда после доклада адъютанта барон с приятелем вошли в его комнату. При виде прибывших офицеров улыбнулся.

– Я рад вас видеть, господа, – проговорил он. – Надеюсь, вам хватило времени, фон Хаффман, уладить все ваши дела?

– Так точно, господин полковник, – ответил барон, – хватило.

– Ну что же. Я рад за вас. При этом прошу вас принять мои соболезнования по поводу смерти вашего отца, барон. Были времена, когда мы с ним беседовали на различные темы.

В памяти Адольфа тут же всплыло, как лет пять назад полковник был направлен с дипломатической миссией в Санкт-Петербург. Тогда этот вояка, лет тридцати трех, заехал в их родовое имение, чтобы пообщаться с лучшим другом своего отца, с коим старый барон служил еще при прежнем правителе. Он-то и посоветовал Адольфу поступить на военную службу в формиовавшиеся тогда гусарские полки. Даже рекомендательное письмо отписал своему дяде, у которого и сам, будучи еще пятнадцатилетним мальчишкой, проходил военную службу.

– С такой бумагой перед вами откроются любые двери, Адольф, – сказал в тот день он.

И в его словах не было ничего удивительного. Находившийся в свите Фридриха II, когда тот был еще кронпринцем, Ганс Карл фон Винтерфельд участвовал в Рейнском походе. Именно с этого важнейшего для обеих персон события и началась их с будущим прусским королем дружба. Поговаривали, что и по карьерной лестнице полковник двигался благодаря государю.

Полковник указал рукой на кресло, что стояло у стены, и сказал:

– Присаживайтесь, господа. – После того как оба гусара сели, продолжил: – Король наш, Фридрих, велел мне отправить разведывательный отряд, я хочу, чтобы возглавили его вы, господин барон.

Фон Хаффман вздрогнул. Третья война, первые две прошли теперь в далеком для него будущем, и вновь ему предстояло заниматься разведкой. В третий раз ползать по тылам врага. Хотя, с другой стороны, отметил про себя барон, все три войны друг от друга отличались.

Причем чем дальше в будущее от него теперешнего уходили события тех лет, тем страшнее они становились.

– Вас это удивляет, господин фон Хаффман? – спросил фон Винтерфельд.

– Никак нет, господин полковник.

– Тогда отберите пятерых лучших гусаров и отправляйтесь.

Полковник подозвал к себе рукой Адольфа. Тот встал, подошел к столу с картой и склонился над ней.

– Вот сюда, – фон Винтерфельд ткнул пальцем в маленькую черную точку на карте.

Барон пригляделся и прочитал:

– Хохенфридберг.

– Да, господин фон Хаффман, – проговорил полковник, – именно сюда. Именно в этой местности Фридрих и хочет дать решающее сражение.

Барон еле сдержал улыбку. Битву при Гогенфрид-берге, как ее называли на русский манер, нельзя было назвать решающей во Второй Силезской войне. Она больше запомнилась искусной подготовкой боя. Ведь перед самой битвой были пущены ложные слухи (к коим, вполне возможно, и предстояло приложить свои руки барону фон Хаффману), демонстративное отступление обоза в тыл и скрытное передвижение войск к месту битвы.

– Вашему отряду, – между тем продолжал фон Винтерфельд, – предстоит пускаться среди австрийцев

ложные слухи. Не удивляйтесь, барон, но от них будет зависеть исход сражения. Ведь уже сейчас стало известно, что австро-саксонские союзники собираются предпринять наступление от Траутенау к Ландсгуту Австриякам, ведомым Карлом Лотарингским, и саксонцам, которыми командует герцог Саксен-Вейс-сенфельский, не обязательно знать, что наш король скрытно собирается перевести свою армию из Франкенштейна через Рейнберг к Ягурнику и Швейдницу. Объясняя это, полковник взял длинную указку, что лежала на краю стола, и стал уже ею водить по карте.

– Славный генерал Дюмелен со своим авангардом выдвинется к Стригау. Вы же должны с помощью слухов сделать так, чтобы союзники подумали, что мы бездействуем. Пустим слух, что прусская армия собирается отступить.

Задача не из легких, но отряду барона удалось это сделать. Все было так, как и предсказывал полковник. Союзники действительно начали наступление сперва к Ландсгуту а затем, когда распространился среди них слух об отступлении Фридриха II, они после полудня третьего июня выдвинулись восемью колоннами от Рейхенау. Как потом отметил в своих записях король Пруссии – без должного порядка. Третьего числа Фридрих, находясь в авангарде своих войск, лично имел возможность наблюдать за передвижением противника.

– И все же мы будем их атаковать, – заявил он офицерам, среди которых был полковник фон Винтерфельд, – и это несмотря на то, что союзники превосходят нас численно.

Тут же было принято решение произвести все это ночью с четвертого на пятое июня. Для чего необходимо было скрытно подвести армию к ручью Стригау.

– Господин Дюмелен, – обратился Фридрих к генералу, – вам необходимо форсировать ручей

и занять позицию на противоположной высоте. Так вы сможете прикрыть свои боевые порядки.

Уже когда офицеры стали расходиться, король неожиданно распорядился полковнику фон Винтерфельду остаться. Тот выполнил приказ и минут пять ждал до тех пор, пока они с монархом не остались наедине.

– И как вы решили поступить с бароном и его другом? – поинтересовался Фридрих.

– Я думаю дать им шанс, Фриц.

– Шанс. Вот только боюсь, он им не поможет...

– Шанс погибнуть в бою, а не от топора палача, – пояснил полковник.

Этот шанс предназначался для Адольфа фон Хаффмана и Иоганна фон Штрехендорфа. После того как разведчики вернулись в отряд Черных гусар, полковник Ганс Карл фон Винтерфельд вызвал их к себе. Тут же, в лоб, не давая тем опомниться, заявил, что прусскому королю прекрасно известно о том, что произошло в окрестностях родового замка фон Хаффмана.

– Я не дал вас арестовать, господа, – продолжал полковник, – только из-за того, что у меня каждый человек на счету. Поэтому хочу вам дать шанс.

Приятель переглянулись. Неужели у них появилась возможность избежать наказания? Разочарование пришло сразу же, как только фон Винтерфельд сказал:

– Шанс погибнуть на поле боя, а не от топора палача. Ваше решение, господа? Должен предупредить, что конвой вас уже ждет.

Фон Хаффман только в это мгновение вспомнил, что видел дежуривших у шатра полковника двух солдат. Тогда он не придавал этому значения и только удивился, а сейчас вот выяснилось, что были они здесь неспроста.

– А если нам удастся отличиться в бою? – с надеждой в голосе уточнил фон Штрехендорф.

– Боюсь, это вас не спасет, господа. Король гневается. Я ему сказал о вашей разведке и выполнении миссии по распространению слухов, но он и слушать не хотел. Так что, господа, ваше решение?

– Лучше погибнуть как воин, – проговорил Сухомлинов.

– А вы, господин фон Штрехендорф?

– Смерть от рук палача мне не нравится, господин полковник.

– Я так и предполагал, господа. Знал, что вы примете правильное решение. А теперь ступайте. Боюсь, я не знаю, насколько вам удалось отодвинуть день вашей смерти. Ведаю только одно, что сегодня или, по крайней мере, завтра этого не произойдет.

Офицеры поклонились и вышли из палатки. Уже на улице Иоганн кинул взгляд на стоявших караульных. Тяжело вздохнул.

– Ничего, мой друг, – проговорил Адольф, хлопнув его по плечу, – прорвемся.

На следующий день поступил приказ выступать. Полк Черных гусар вместе со всей армией занял ближе к ночи позиции и начал приготавливаться кутренней схватке. Теперь скрываться не было смысла, и Фридрих разрешил разжечь костры. За оставшееся время союзники, имея численный перевес, просто не решились уйти, несмотря на то что к сражению они не были готовы.

Костер догорал. Шнейдер достал саблю и стал чистить. Сухомлинов докуривал трубку, а фон Штрехендорф неожиданно встал и начал наматывать круги вокруг костра.

– Да сядь ты, Иоганн, – проговорил барон, – что случилось – уже не изменить. У нас с тобой нет другого выхода, как искать во время боя смерть. Я знавал людей, – неожиданно добавил Адольф, чем вызвал

удивление у приятелей, – которые, находясь вот в таком же состоянии, совершали подвиги. Причем такие, за которые все их предыдущие преступления просто прощались.

Фон Хаффман вдруг понял, что сболтнул лишнего. Сейчас оба его товарища начнут перебирать всех знакомых барона, пытаясь понять, кого именно тот имел в виду. Неожиданно для себя бывший старшина понял, что приведенные примеры не из этой жизни, а из той, прошлой.

– Может, нам удастся сделать нечто, – мечтательно молвил он, – что растопит сердце старика Фрица, и тот нас простит.

– Не думаю, Адольф, – проговорил Шнейдер.

– Возможно, что ты и прав, Ганс. Но все же я не теряю надежды. Ведь надежда, она умирает последней.

– Мне бы вашу уверенность, барон, – проговорил Шнейдер.

Тут Ганс запустил руку во внутренний карман, достал бутылку с вином. Осушил ее и с размаху запустил в ближайшие кусты, благо там в данный момент никого не было.

– Вы как хотите, господа, – проговорил он, – а я спать.

Если Шнейдер уснул сном праведника, то барон фон Хаффман об этом мог только мечтать. Сейчас, перед битвой, он прекрасно осознавал, что опять находится на краю пропасти. Умирать барон во второй раз ни как отважный воин, ни как преступник, над которым завис меч правосудия, не собирался. Адольф в душе верил, что не зря его судьба выкинула из его времени в прошлое. Он это понял, когда во время дуэли выжил. Вот и сейчас, ворочаясь и прислушиваясь к храпу товарищей, барон вдруг задался вопросом, а почему именно он оказался в этом загадочном и непонятном полку Черных гусар. Обычно иррегулярная конница состояла из наемников, в основном вен-

гров. Он и предполагал, что попадет именно в такой полк, а оказалось, что основная часть кавалеристов были низкорослые немцы, такие, как сам барон. Фон Хаффман тактично, чтобы не вызвать подозрения и непонятных толков, задал свой вопрос Шнейдеру. Ганс честно признался, что виной всему были деньги, которых отважному войну не хватало. Выходило, такие же проблемы должны были подвигнуть на службу в полку гусар и Адольфа фон Хаффмана.

– Чему я удивляюсь, – прошептал бывший старшина, закрывая глаза и делая попытку заснуть, – неспроста отец имел дружеские отношения с таким никчемным человечешкой, которым был Мюллер.

Последняя попытка уснуть оказалась удачной. Сон сморил барона фон Хаффмана, но, увы, ненадолго.

Утром его разбудил звук полковой трубы. Барон проснулся. Выругался и стал собираться. Шли последние часы перед сражением.

Фридрих нервничал, хотя по внешнему виду было это трудно понять. Союзники численно превосходили прусскую армию. Вот только король считал, что этого для победы недостаточно. Он уже давно для себя решил, что побеждать нужно не числом, а умением. Для этого и приказывал нещадно муштровать своих воинов. Тяжело в ученье, легко в бою. Для себя эту истину Фридрих II открыл уже давно, отчего и шла его армия победоносно по землям австрийцев. В будущем, может, появятся люди, что придут к такому же выводу, да вот только пока ни среди его верных генералов, ни среди врагов таких даже близко не наблюдалось.

Монарх стоял в окружении своих офицеров, тех, что ему нужны были сейчас здесь, а не там – на поле боя. Темно-синий мундир, белые штаны, ботфорты. На поясе шпага. Треуголка. В левой руке трость.

Король вытянул руку, и тут же в его ладони оказалась подзорная труба. Адьютант среагировал быстро. Фридрих взглянул в нее и убедился, что все начиналось, как он и задумывал. Под бой барабанов, музыку флейт, с развернутыми знаменами, четкими линиями наступала его армия. Темно-синие мундиры, желтые камзолы, ярко-красные гренадерские шапки, черные треуголки. И все это под военный марш. Ружья наперевес.

– Красиво идут, – отметил король.

Перевел взгляд туда, где еще вчера вечером находились союзники. Усмехнулся. Вот она пестрота красок. Белые как снег мундиры австрийцев, пестрые доломаны гусар, красные как кровь кафтаны саксонцев. Разноцветные знамена. Идут навстречу своей гибели. Правда, делали они это как-то неаккуратно и даже вальяжно. До короля легкий ветерок донес звук барабанов. Чей он? Его пруссаков или союзников? Впрочем... Австрийцы движутся по левому флангу, саксонцы по правому, причем последние вот-вот наткнутся на авангард Дюмелена, а тогда их шансы покинуть поле боя победителями станут равны нулю.

Заговорили громко пушки, заявляя о своем существовании. Тут же дымом накрыло колонны саксонцев. Стало трудно что-то разглядеть в хаосе битвы, понять, что происходит.

Дышать в дыму стало невозможно, и Фридрих уже собирался было направиться в шатер, когда до его уха донеслись радостные крики.

– Пехота пошла, государь, – проговорил один из офицеров, что сейчас стоял позади него.

Неожиданно для саксонцев начала атаку прусская гвардия и кавалерия. Союзники уже поняли, что не успевают развернуться в боевой порядок. Тут же зазвучала команда, но войска дрогнули. Начали отступать.

– Австрийцы к ним не успеют подойти, государь, – проговорил тот же офицер.

– Сам вижу, – прошептал король, поднося подзорную трубу к лицу.

Фридриха сейчас больше всего интересовало, что будет делать Карл Лотарингский? Сын герцога Лотарингского Леопольда и принцессы Элизабеты Шарлоты Орлеанской, тридцатитрехлетний принц Карл Александр уже в четырехлетнем возрасте стал владельцем собственного полка. В семнадцать – кавалер ордена Золотого руна. В двадцать четыре вместе с братом уехал в Вену, где получил тут же звание генерал-вахтмейстера. Принимал участие в войнах с турками. В чине генерал-фельдмаршала выступил против Фридриха П. Прусский король этот факт не забыл. Иногда даже укорял этим своих старых генералов. В первые годы австро-прусской войны действовал против армии неприятеля очень даже успешно, но 17 мая 1742 года фортуна на какое-то мгновение от него отвернулась. После проигранного им сражения при деревне Готузиц близ Часлау Мария Терезия вынуждена была заключить мир в Бреславле, уступив Фридриху II Нижнюю и Верхнюю Силезию до Тешена, Троппау и землю по ту сторону Оппы и высоких гор, равно как и графство Глац. В качестве наказания Мария Терезия направила молодого офицера осаждать Прагу. Под стенами города фортуна вновь улыбнулась ему. Затем последовала победа при Браунау. Удалось занять всю Баварию, овладеть частью Эльзаса. Но вскоре вновь возобновилась война с Пруссией, и ему пришлось вернуться в Богемии. Теперь генерал-фельдмаршал смотрел, как терпят поражение саксонцы.

Фридрих видел в подзорную трубу, как австрийки торопились занимать оставленные позиции саксонцев. Пытаются удержаться. Вот только времени у них почти нет, так как несущиеся на волне успеха прусские пехотинцы тут же атаковали их.

– Правое крыло, – распорядился король прусский, – должно переменить фронт. Нужно, чтобы они действовали с фланга и попытались выйти в тыл австрийцам.

Гонец тут же вскочил в седло и умчался исполнять приказ. Фридрих II вновь взглянул в трубу. Карл Лотарингский, отбивая удары, не воспользовался задержкой (пруссские силы начали переправу через ручей) для своевременного отступления.

Австрийцев граф Нассуйский начал теснить с левого крыла. Затем молниеносная атака конницы генерала Геслера. Союзники дрогнули и начали отступать. Причем делали они это вновь беспорядочно. Удар с правого фланга прусского крыла, и вот они уже стремительно бегут.

– Победа! – проговорил вновь тот же офицер. – Австрийцы разбиты.

– Не совсем, – молвил Фридрих П. – Австрийский авангард, состоящий из войск генерала Валлиса и Надасти, так и не принял участие в бою. Я так и не решился его атаковать.

– Но почему, ваше величество? Король промолчал.

– Займите высоту у села Каудер, – приказал монарх и добавил: – И прекратите преследование. Битву мы и так выиграли.

Впоследствии австрийские полководцы оправдывались: «Мы не могли атаковать пруссаков отчасти по причине разделявших нас болот, а отчасти потому, что они сами перешли по ним и атаковали нас».

Тут, дорогой читатель, мы на какое-то мгновение от барона Адольфа фон Хаффмана вновь вернемся к Игнату Севастьяновичу Сухомлинову, чтобы понять, что творилось в душе у бывшего старшины Красной армии.

Болота – это уж слишком. Ту болотистую местность, что разделяла полк Черных гусар от австрийской кавалерии, по мнению Сухомлинова, так назвать у него бы язык не повернулся. Причиной их неактивных действий, считал Игнат Севастьянович, было то, что австрияки просто были смущены и уstraшены самоуверенным и наглым наступлением пруссаков, ведь первые численно превосходили последних. Поэтому союзники не везде доводили дело до столкновения, ограничиваясь только залпами из карабинов, после которых частенько бросались в бегство. Зато прусским солдатам к таким маневрам было не привыкать. И казавшаяся неприступной австрийским генералам местность не оказалась такой уж серьезной преградой для Черных гусар. Переправившись с левого крыла вброд через стригауские воды, кавалеристы атаковали правый фланг австрийцев. Завязалась схватка, в которой оба дуэлянта получили шанс либо умереть достойно, либо совершить такой подвиг, после которого Фридрих II сменил бы гнев на милость.

Утром, находясь позади полковника, тот как раз наблюдал в подзорную трубу вражеские позиции, Сухомлинов о предстоящем очень много думал. Он уже понял, что никогда еще в жизни не участвовал в таких вот сражениях. Да, он воевал. Причем дважды, но всегда это были мясорубки, жизнь человеческая в которых ничего не стоила и места для подвига не было. В войне двадцатого века не будет всех красок битв более ранних эпох. Цвета померкнут, музыка, что сейчас доносилась до ушей барона, если и будет, то не такой воинственной. И все же, какая бы ни была война, эта пестрая или та, цвета хаки, война есть война. Убивают во все времена. Правда, здесь человек что-то еще стоил.

Сухомлинов закрыл глаза. Его прошлое, его будущее – все неожиданно смешалось. Судьба вновь

издевалась над ним. Опять война, и вновь существует вероятность, что он погибнет. Вот только... Только лично он умирать не собирался. Ни во время сражения, ни от руки палача. Прощение прусского короля? Нет, на него Игнат Севастьянович не надеялся. Подумывал уйти с отступающими австрияками. В качестве пленного? А почему бы и нет. Главное – живым. А не будет ли это предательством? Сухомлинов усмехнулся. Нет, не будет. Это не его родина. Взглянул на друзей, к которым за последний месяц уже привык. Жалко их обоих. И все же, может быть, хоть фон Штрехендорфу повезет. Удастся ему отличиться, а там, глядишь, и смиляется старый Фриц. Все же Иоганн всего лишь секундонт. Перевел взгляд на поле.

– Господа, – громко, что есть мочи проговорил полковник, – пора.

С этими словами Игнат Севастьянович вновь исчез.

Полковник поднял руку и указал в направлении противника. Как бы то ни было, но атака проходила по всем правилам. Сначала большой рысью, затем широким галопом, но всегда сомкнуто. Фридрих II считал, что при соблюдении этого неприятельская конница будет всегда опрокинута. Правда, существовала оговорка: «Если кто-нибудь из людей не исполняет своей обязанности и выскакивает из рядов, то первый же офицер или унтер-офицер должен его про-ткнуть палашом». Сухомлинову, офицеру, когда-то служившему в кавалерии, это было непри-вычно, но он прекрасно помнил, что в чужой монастырь со своим уставом не лезут. И все же, когда с рыси гусары перешли на галоп, помня, что ему-то терять нечего, барон фон Хаффман, выхватив из ножен саблю, поскакал впереди всех, ведомый жаждой победы. Сейчас он еле сдерживался, чтобы не закричать: «Ура!»

Брызги из-под ног лошади. Лица друзей. Страх улетучился, а впереди враг, по-любому отступать не собирающийся.

С криками они налетели на кавалерию австрийков. Несмотря на то, что Фридрих не поощрял кавалеристов за пользование огнестрельным оружием во время атак, фон Хаффман не удержался и выхватил левой рукой пистолет. Сделал выстрел, убив тем самым одного из австрийков, и лишь после этого набросился с саблей на врага. Испытывал ли Игнат Севастья-нович в тот момент те чувства, что были у него, когда он вместе с лейтенантом Зююкиным

уничтожал фашистских оккупантов? Конечно же, нет. Было какое-то непонятное и непривычное чувство, словно он дрался сейчас из-за неизвестно чего. «Неизвестно чего? – пронеслось в голове Адольфа фон Хаффмана. – Как бы не так». Он бился за свою жизнь. За возможность победить в сражении. Отличиться и вымолить тем самым для барона фон Хаффмана прощение у прусского короля.

Сабли ударили друг об друга. Раздался неприятный звук. Лошади обоих противников затанцевали в непонятном танце. Оба врага то и дело уклонялись от ударов. Казалось, поединок мог затянуться надолго. Наконец фон Хаффману удалось произвести неожиданный для противника маневр. Он удачно увернулся от атаки австрийского драгуна и тут же контратаковал, нанеся мощнейший рубящий удар, пришедшийся точно по темечку. Не спасла и треуголка. Враг рухнул из седла на землю. Лошадь дернулась. Адольф фон Хаффман ударил плеткой по ее боку, и она унеслась прочь.

Барон огляделся. Его товарищи рубились насмерть. Иоганн фон Штрехендорф отбивался сразу от двоих. Шнейдер показывал мастерство какому-то австрийскому офицеру, нанося удар за ударом. Тот отбивался, причем, как отметил фон Хаффман, удачно. И все же с ним Ганс должен был легко справиться, а вот Иоганну помощь не помешала бы. Барон поспешил, но не успел. Фон Штрехендорф справился уже с од-

ним и переключился на другого. Орудовал он саблей ловко. Уворачивался, наносил удары, наконец, выбил австрияка с коня, а затем, не оглядываясь на поверженного противника, устремился в гущу сражения, за ним помчался и фон Хаффман.

Уже через мгновение Адольф сообразил, что мчатся они вдвоем в сторону двух австрийских офицеров. Барон тут же понял, что задумал его приятель. Взять зазнавшихся дворян в плен и получить прощение у короля.

– Однако, – прошептал он, подлетая к офицерам.

Что-что, а в плен австрийцы сдаваться не собирались, а удирать уже было поздно. Они упустили момент, не заметили гусар и теперь вынуждены были обнажить сабли.

Сражались резво. И если бы не поспешивший к товарищам Шнейдер, неизвестно, чем бы это закончилось. В тот момент, когда один из австрийков замахнулся саблей, Ганс выстрелил. Попал точно в руку, чем спас фон Штрехендорфа от неминуемой гибели. В этот момент фон Хаффман увернулся от удара своего противника и сделал ответный выпад, рубанув так, что отсек офицеру несколько пальцев на правой руке. Сабли у обоих австрийков выпали из рук.

– Господа, – проговорил барон, – мне кажется, вы проиграли.

Он запустил руку в карман штанов и извлек батистовый платок. Кинул своему противнику. Тот тут же замотал рану.

– Спасибо, – проговорил австрияк.

– А теперь, господа, проследуйте с нашим приятелем, – добавил фон Хаффман. – Если, конечно, вам дорога жизнь.

Один из офицеров взглянул на Шнейдера. Обратил внимание на второй пистолет гусара и улыбнулся.

– Хорошо, господа, мы проследуем с вашим другом.

Офицеры ускакали со Шнейдером в сторону ставки Фридриха П. Барон надеялся, что Ганс сообщит королю, что и они с фон Штрехендорфом приложили к пленению австрийских полководцев руку.

А между тем атака продолжалась. Гусары бились неистово. Понять сейчас, на чьей стороне была удача, было трудно. Барон отметил, что полковой трубач своим упорством не уступал остальным воинам. Фон Штрехендорф куда-то рванул, все, что успел сделать фон Хаффман, так проводить его взглядом. И уже через минуту был сам атакован неприятелем. Пришлось вновь обнажить саблю и принять бой. На этот раз боец попался не такой опытный, чем предыдущие два. Несколько ударов, и с ним было покончено. Тот рухнул, как мешок с

лошади. Разглядывать, кто это такой, не было никакого резона. Мимолетная стычка, в которой один из них должен был погибнуть. В этот раз повезло фон Хаффману в следующий раз – одному Богу известно.

Барон окинул поля боя и заметил, как на фон Штрехендорфа мчится драгун. Белый мундир, черная треуголка, рыжие усы, в руках шпага, за спиной карабин. Казалось, он готов рубить Иоганна на кусочки. Первая реакция фон Хаффмана была броситься наперерез. Удержался, понимая, что не успеет. Запихнул саблю в ножны, причем сделал это так быстро, что и сам удивился. Выхватил из-за пояса пистолет. Прицелился, как тогда на дуэли, и выстрелил. Попал в коня. Австрияк вылетел из седла и приземлился к ногам фон Штрехендорфа. Тут же вскочил и кинулся на Иоганна. В ответ друг барона ударил того саблей со всего размаха. Драгун схватился за лицо. Громко заорал и повалился на землю.

Подскакал фон Хаффман. Взглянул на приятеля и только успел спросить:

– Ты как? Живой?

И в этот момент артиллерийский снаряд разорвался в метре от приятелей. Взрывной волной обоих выкинуло из седла.

И снова первая мысль, промелькнувшая в голове Сухомлинова, – неужели умер? Вроде нет. Пошевелился. Боль пронзила все тело. Значит – еще жив. Вот только, может, как и в предыдущий раз, судьба перебросила его во времени. Игнат Севастьянович попытался вспомнить то, что произошло после взрыва. Совсем немного. Он летел. Падал. На мгновение потерял сознание, потом очнулся. Увидел бегущего, всего в крови, фон Штрехендорфа. Тот опустился перед ним на колени. Пощупал пульс. Вымолвил:

– Жив.

И тут же подозвал одного из гусар. Когда тот подъехал, распорядился отвезти фон Хаффмана в деревню, а сам, выхватив саблю, рванул опять в гущу событий. А дальше помутнение.

А может, он там, в восемнадцатом веке, умер? Ну, не довели до деревни, не отдали маркитанткам. Душа переместилась во времени.

Сухомлинов, не открывая глаз, прислушался. Говорили на немецком.

Может, обратно в двадцатый век?

Игнат Севастьянович был не уверен. Немецкий язык не показатель. На нем могли говорить и тевтонские рыцари, и фашисты. А может, перемещения не было? Может, он сейчас в деревне и вокруг него австрийцы? Тоже, конечно, не подарок. Хотя, с другой стороны, и топор не грозит. Придет в себя и уйдет туда, где Фридрих его не достанет. Разве он виноват, что барон ввязался в дуэль с господином Мюллером? Ведь попытался сделать все, чтобы избежать. Не получилось. Теперь вот расхлебывай.

Он вновь прислушался. Говорили действительно на немецком. Причем голоса принадлежали мужчине и женщине. Причем речь, в чем Сухомлинов не сомневался, явно шла о нем.

– Выживет гусар? – уточнил мужчина у женщины.

– Если сразу не умер, то да. А он не умер.

– Когда он из седла вылетел, я уже подумал: прощай, господин барон. А он, оказывается, только сотрясением отделался.

И все-таки господин барон, а не товарищ старшина или, чего хуже, брат Юрген. Значит, в восемнадцатом веке. Невольно пошевелился.

– О, смотри, – проговорила женщина, – кажется, наш раненый пришел в себя.

Неожиданно на своем лбу Сухомлинов ощутил сырую тряпицу. Капли потекли по лицу. Скатились по носу и коснулись губ. Водичка холодная, отметил Игнат Севастьянович, колодезная. Заморгал и открыл глаза.

Над ним двое. Темноволосая молодая женщина в белой кофте и темно-коричневом сарафане, на голове белый чепчик, в руках сырая тряпица. Возле нее молодой гусар. Черный доломан, колпак. Стоял, опираясь на саблю, и пристально разглядывал барона.

– С возвращением, господин барон, – проговорил он, – а мы уж и не думали.

Фриц Болен, один из гусаров его полка. Фон Хаффман поморщился не то от боли, не то от света, что пробивался в небольшое окошко. Теперь он прекрасно вспомнил, что именно его и подозвал там, на поле, фон Штрехендорф. Служивый выполнил свою миссию, доставил его в деревню.

– Как там сражение? – полюбопытствовал Адольф.

– Так сражение еще вчера закончилось. Мы их одолели. Наша конница совершила подвиг. Генерал-лейтенант Гесслер со своими драгунами вовремя

заметил, что австрийская пехота начинает подавать признаки некоторого расстройств. Не упустил момента. Двумя колоннами повел своих драгун. Да наши гусары на своем фланге подсустились. Двадцать батальонов были опрокинуты в одну минуту.

Барон фон Хаффман дальше не слушал. О том, что было захвачено несколько сот пленных, множество знамен, литавр и прочих военных трофеев, он прекрасно знал. Австрияки отступили, а Фридрих не стал их преследовать. Сейчас его интересовало другое.

– Ты говоришь, вчера закончилось?

– Ну да. Вы в беспамятстве почти сутки провалялись.

– А мои друзья? Фон Штрехендорф и Шнейдер?

– Фон Штрехендорф погиб. Как раз в тот момент, когда я вас сюда доставил. Я же потом вернулся, смотрю, а его труп в окружении четырех мертвых австрийцев валялся. Видимо, рубился ваш друг отважно.

Фон Хаффман поднялся. Сел на деревянную кровать. Коснулся рукой матраса и понял, что тот явно не пуховая перина. Даже носом потянул, чтобы убедиться, что не ошибся. Пахло соломой.

– А Шнейдер?

– Того с депешей отправили в Берлин.

– Эвон как, – удивился барон.

– Так он ведь двух высокопоставленных офицеров в шатер короля доставил. Вот и велел их Фридрих в Берлин отвезти. Шнейдеру тут же звание присвоили.

– А нам с фон Штрехендорфом?

– Про вас не знаю, а Штрехендорфу ни звания, ни награды уже не понадобятся. Там, – и он взглянул на потолок, но Игнат Севастьянович понял, что тот имел в виду, – они уже не понадобятся.

Интересно, что теперь будет с ним? Вряд ли этот солдат сможет ответить на этот вопрос. Тут нужен некто, кто знает больше. Неожиданно заныла голова,

и Сухомлинов руками коснулся своего лица. Хотя нет. Не своего. Лицо это принадлежало когда-то барону фон Хаффману а теперь ему. Вот только долго ли ему придется с этим лицом жить? Пока судьба благоволила. Выжил после дуэли, чудом спасся во время битвы, хотя лучше бы погиб, и вот теперь... Адольф оглядел помещение, в котором оказался. Обычный австрийский домик, коих полно в этих краях. Одна дверь, за которой, скорее всего, прихожая, ну, или как она тут у них называется. Два окна. Одно закрыто ставнями, а через второе пробивается солнечный свет. Кровать, стол. Деревянная лестница в углу, ведущая на второй этаж. Именно оттуда и раздались шаги. Кто-то спускался. Шел не спеша. Фон Хаффман занервничал. Первое, что пришло на ум, – сам прусский король. Ошибся. Вот только человека, что спустился, Игнат Севастьянович желал бы видеть меньше всего. Полковник фон Винтерфельд.

– Я попытался его уговорить изменить решение, фон Хаффман, – проговорил офицер, опускаясь на стул, что стоял рядом со столом, – да вот только дружище Фриц ни в какую. Заладил, что закон для всех одинаковый. Уже и приказ подписал, чтобы тебя повесили. Ты что, барон, хочешь умереть таким образом?

– Боюсь, господин полковник, – ответил Адольф, – что умирать совсем не хочется. Ни повешенным, ни убитым.

– Понимаю, – проговорил фон Винтерфельд, наливая в кружку пиво. – А если вам, господин барон, дезертировать?

– Что вы такое предлагаете, господин полковник? – воскликнул фон Хаффман, понимая, что фон Винтерфельд говорил дело.

Фридрих все равно решение не поменяет, а так хоть какой-то шанс останется. Вот только куда беглому солдату податься? В Германских землях сыщут, на туманный Альбион глаза не глядят, остается Россия.

Интересно, а понимает ли полковник, что именно туда подастся дезертир? Скорее всего – да. Небось рассчитывает, что тот станет неким подобием «барона Мюнхгаузена», только на службе не Екатерины Великой, а ее предшественницы Елизаветы.

– Я предлагаю вам, барон, дезертировать. Пустим слух, что вы умерли от ран. Видите ли, ваш друг оказал вам, как говорят русские, «медвежью услугу». Лучше бы он оставил вас на поле боя, барон...

– Но почему, господин полковник?

– Почему – что?

– Я не могу понять ваших действий, господин фон Винтерфельд. Зачем вам помогать преступнику?

Офицер рассмеялся. Наполнил кружку пивом. Залпом осушил ее, взглянул на барона и улыбнулся.

– Во-первых, вы мне симпатичны, барон. Во-вторых, я знаю вас и поэтому ни капли не удивлен, что вы оказались участником дуэли. – Фон Хаффман вдруг подумал, что, скорее всего, его предшественник, был еще тем забиякой, но фон Винтерфельд моментально все его суждения опроверг: – По пустякам вы, барон, не стали бы размахивать оружием, следовательно, была задета честь дамы. Если бы словом или делом оскорбили бы вас, вы бы сдержались. Не знаю, однако точно уверен, что отомстили бы обидчику, но как-нибудь деликатно. В-третьих, из-за уважения к вашему отцу.

Последнее было совершенно непонятно Игнату Севастьяновичу, сие было известно только предшественнику. Уточнять он не имел права, иначе бы вызвал удивление у полковника.

– Пока еще есть время, барон, дезертируйте, – проговорил фон Винтерфельд.

– Я подумаю, господин полковник.

– Вот и хорошо. Надеюсь, вы, барон, примете правильное решение, – добавил офицер, поднимаясь из-за стола.

Он направился к двери. Остановился. Надел на руки белоснежные перчатки и лишь после этого вышел.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – проговорил фон Хаффман, поднимаясь с кровати и подходя к столу. – Любопытно, какое же решение он мне предлагает сделать? Неужели рассчитывает, что я не поддамся на его провокацию и самолично пойду на эшафот? Нет уж – дудки. Не для этого мне судьба дала еще один шанс.

Сел за стол, и тут же к нему подошла хозяйшка. Да не просто так это сделала, а принесла обед.

– Умирать, господин барон, – проговорила она, – все же не на пустой желудок.

– Вы правы, сударыня, – молвил фон Хаффман и поцеловал руку прекрасной незнакомки.

Словно голодный зверь, он накинулся на еду. Дичь, а скорее всего это был голубь, была приготовлена на славу. Соус – пальчики оближешь. Удивительно, что у барышни нашлось время на всю эту стряпню. Достаточно было обычной каши.

– Я вам вычистила ваш мундир, барон, – сказала вдруг она, протягивая доломан.

– Спасибо, красавица, – проговорил фон Хофман. Взял и положил на кровать.

Пообедав, барон подошел к окну и выглянул. На улице было тихо. Чуть поодаль виднелся лагерь пруссов. Возле дома, привязанной к тыну, стояла лошадь.

– Может быть, фон Винтерфельд надеется, что я все же решусь. Тогда как только вскочу в седло, так тут же буду убит при попытке к бегству, – прошептал фон Хаффман. – А что, гуманно. И совесть чиста. Э нет, господин полковник. Если я и дезертирую, то уж точно не на этой несчастной кобылке.

Фон Хаффман обошел комнату и приник к другому окну. С этой стороны был прекрасно виден лагерь Черных гусар. Солдаты кое-как отходили от битвы,

подводя итоги и подсчитывая убитых. Готовили обеды, чистили оружие, тренировались. Именно в лагере можно было бы найти хорошего коня. Дай полковник вряд ли надеется, что он предпочтет трудности во время побега.

Адольф фон Хаффман надел доломан, отыскал колпак. Стер с него пыль и направился к дверям. Приоткрыл и тут же захлопнул. По ту сторону стояли два пехотинца, а значит, просто так дом не покинешь. Идти наверх тоже глупо, оставалось только одно. Барон приоткрыл дверь и произнес:

– Господа, не могли бы вы позвать полковника. Пехотинцы переглянулись. Что было потом, фон

Хаффман не знал, так как закрыл дверь. Взглянул на своего товарища по оружию, проговорил, доставая из ножен саблю:

– Не советую вам мешать мне.

Служивый кивнул. Он прекрасно слышал разговор барона с полковником. Подошел к столу и, сев, наполнил кружку пивом из кувшина. Сделал глоток и произнес:

– Я с вами, барон.

Фон Хаффман пробежал по комнате, открыл то окно, что вело в лагерь гусар, и выпрыгнул. Его приятель последовал за ним. Адольф взглянул на него и понял, что у того просто не было иного выбора.

– Давай я тебя раню саблей, и все будут думать, что ты преследовал меня, – предположил он.

– Не надо, господин барон. Полковник все равно не помнит, кто был с вами в доме. Я могу остаться в лагере, а когда он поинтересуется, мои приятели подтвердят, что ваш охранник с вами дезертировал.

Фон Хаффман понимающе кивнул. Дезертирство в прусской армии было в порядке вещей.

– Тогда достань мне коня, – приказал барон. Служивый кивнул и ушел в лагерь. Пока его не

было, Игнат Севастьянович думал. Он уже решил,

как поступить. Правда, для начала нужно было отправиться в одно место, уладить дела барона Хаффмана и уже потом мчаться сломя голову в поисках приключений.

– Интересно, – проговорил барон вслух, – а получится ли из меня Мюнхгаузен?

– О чем это вы, господин барон? – произнес подошедший гусар.

– Не обращай внимания, приятель, – сказал фон Хаффман и только сейчас обратил внимание, что тот привел его лошадь.

Прижался к коню. Проверил наличие пистолетов. Затем пожал руку гусару, чем тот был сильно поражен, и только после этого вскочил в седло.

– Не держи зла, дружище! – прокричал он, уносясь прочь от прусского военного лагеря.

ГЛАВА 3

Силезия – Польша – Восточная Пруссия. Июнь-июль 1745 года

То, что в униформе Черных гусар много не проедешь, Сухомлинов уже понял на третий день своего бегства. И не только из-за того, что Фридрих за дезертиром отряд снарядил. Будет король из-за какого-то барона своими людьми разбрасываться. Вышлет гонца в Берлин, а уж оттуда человек с отрядом в земли фон Хаффмана отправится. Там и дождутся. Глядишь, отдадут местному судье, а уж тот-то и решит его участь. Эшафот. Зрители, чтобы другим неповадно было. Веревка на шею. Барабанная дробь, и прощай, господин барон! Проблема была в другом: пока он ехал, на него каждый косился. Казалось, что вот-вот какой-нибудь житель выстрелит ему в спину. На второй день бегства Сухомлинов сначала оторвал с гусарского колпака эмблему мертвой головы, но и это не помогло.

Вечером третьего дня он снял для себя комнату в придорожной таверне «Старый бык». Причем появление Черного гусара не осталось незамеченным у сидевших в зале людишек. От взгляда Игната Сева-стьяновича не ускользнуло, что некоторые потянулись было к оружию. Не ускользнуло и казавшееся для глаза незаметным движение рукой хозяина таверны. Тут же зависшая с появлением гусара тишина

неожиданно прекратилась, и в зале стало шумно. Остановившийся на мгновение у дверей барон опустил рукоять сабли и чинно прошествовал к стойке.

– Мне бы, хозяин, – обратился он, – комнату на ночь. В долгу не останусь. – И тут же положил на стол несколько монет.

Старикулыбнулся, продемонстрировав тем самым отсутствие нескольких зубов. Сгреб монеты со стойки. Поставил перед приехавшим путешественником кружку пива и молвил:

– Комната найдется. Марта! – прокричал он. И как только из-за двери выскользнула грудастая девица в желтой сорочке и в темно-синем сарафане с белоснежным фартуком, произнес: – Марта, приготовь для нашего гостя комнату на втором этаже.

Девушка презрительно взглянула на путешественника. Грязный немытый пруссак, в черном военном мундире. Больше на усатого рыжего таракана он похож, чем на человека. Фыркнула, прошептала: «Ему еще и ванна понадобится», изобразила на лице некое подобие улыбки и тут же ушла. Фон Хаффман недовольно покосился на нее, слова проигнорировал, а на ус намотал, что давно он не принимал ванну. Можно было поговорить насчет нее с хозяином таверны, но, увидев лицо старика, понял, что лучше этого не делать. Решил пару деньков потерпеть, на худой конец можно и в речке искупаться. Сейчас же взял кружку с пивом и направился к ближайшему столику. Опустился на лавку и после того, как кружка оказалась на столе, растянул пуговку на камзоле. Затем, сделав несколько глотков, Черный гусар вытянул ноги.

Ждать обеда долго не пришлось. Все та же Марта появилась из кухни с подносом. Маневрируя среди столиков и ускользая от сальных взглядов посетителей, она подскочила к столику барона. Вновь улыбнулась, только в этот раз улыбка была не наигранной,

и поставила перед пруссаком тарелку с запеченными дикими голубями.

– Номер готов, сударь, – произнесла она.

Барон поблагодарил, а когда Марта ушла, разломил одного из голубей пополам и жадно стал есть. В первые дни дезертирства пообедать у него нормально не получалось. Сначала опасался, что за ним вышлют погоню, отчего и гнал коня во весь опор. Затем аппетит куда-то улетучился, и для поддержания себя в тонусе достаточно было родниковой или речной воды, а также лесных ягод. Заниматься охотой не было времени, хотя возможность на второй день побега существовала. Предпочел сэкономить пули и порох, так как точно был уверен, что спокойной жизни не будет, пока не окажется вдали от военных действий.

Голубь оказался приготовлен очень хорошо, хотя до кулинарного мастерства Адалинды было далеко. Чувствовалось, что Марта старалась. Скорее всего, хозяин таверны дорожил клиентами. Невольно фон Хаффман вздохнул, подумав, что больше никогда не отведаст стряпни кухарки. Отпил из кружки пива и оглядел зал.

Трое явно разбойники. Одежда рваная и перепачканная, но при этом ведут себя так, словно их карманы были забиты золотыми талерами. Пили они какое-то дорогое вино, ели не иначе жареного поросенка, от которого на блюде остались только кости. В углу, прижавшись к стене, завтракал толстый монах. Перед ним стояло несколько бутылок вина, скорее всего, подешевле, а также на подносе лежали несколько рыбешек. Прежде чем перейти к поглощению пищи, брат Гранфло, как его тут же окрестил фон Хаффман, читал молитву. В отличие от разбойников, что время от времени то и дело бросали косые взгляды на гусара, монах ни разу не взглянул на барона, словно военного в помещении не было. Крестьянин, что уминал постную еду, занимал столик почти у са-

мого выхода из таверны. Изредка он прекращал свое занятие и устремлял свой взор в сторону разбойников. Неужели боится, промелькнуло в голове фон Хаффмана. Ему-то чего бояться? Деньги у него если и есть, то вряд ли такие большие, чтобы смогли привлечь этих головорезов. Вот он, барон фон Хаффман, вполне может стать их следующей добычей.

– Если уже не стал, – прошептал Черный гусар, поднимаясь из-за стола и направляясь к стойке. Пора было уйти в номер. Не дай бог, какой-нибудь местный патруль сюда заглянет. Ради него служивые простят все прегрешения разбойникам.

– Вторая дверь справа от лестницы.

Барон фон Хаффман кивнул и направился к двери, за которой, по словам владельца таверны, находилась лестница. Невольно пошатнулся и тут же ощутил на себе взгляды разбойников. За спиной входная дверь скрипнула, и гусар невольно оглянулся. На пороге стояли два дворянина. Какими судьбами они оказались в этих краях, одному Богу известно. Кафтаны позолоченные, в руках трости, на поясе шпаги. Лица напудрены, точно так же, как и парики. У одного на лице мушка, над верхней губой. Вошли вальяжно, ни на кого не взглянув, словно тут и людей-то не было. Сразу к стойке.

– Обед на две персоны, – проговорил один из них по-немецки, но с жутким акцентом.

Тут же на стол выложили несколько монет, чем сразу же привлекли внимание разбойников. Фон Хаффман облегченно вздохнул. В душе сразу же появилась надежда, что он для трех головорезов потерял какой-никакой интерес. Бывший старшина уже потом понял, как сильно он ошибся в тот момент. Сейчас же, еще раз окинув взглядом зал, фон Хаффман отворил дверь и стал медленно подниматься по лестнице.

Небольшая комната. Пара стульев, кровать, стол у окна. На столе кувшин с холодной водой и кружка, хотя, по мнению фон Хаффмана, она не нужна. Еще вазочка с цветами. Скорее всего, причуда хозяйки. Под кроватью – ночной горшок. На подоконнике потрепанная книга книг – Библия. На кровати старые пошарканные простыни, на удивление чистые. Зато по углам следы клопов. Игнат Севастьянович невольно поморщился. Как бы эти «драгуны» ночью отважного гусара не покусали! Они и нормально выспаться могут не дать. Будешь ворочаться на кровати, как черт на раскаленной сковородке. Вот только выбирать не приходится. Спать под открытым небом не хотелось, да и в таверне все же как-то было поспокойней. Хотя та троица, да сам хозяин дома не внушали ему доверия. Впрочем, и Марта та еще чертовка. Кто знает, что у этой женщины на уме?

Доломан полетел на стул, сабля прислонена рядом у второго. Один пистолет под подушку, другой на стол, сюда же положил гусарский колпак.

Подошел к окну и посмотрел на улицу. Благо окна выходили на дорогу. Разглядел свою лошадь, возле которой крутился внучек хозяина постоянного двора. Мальчишку явно заинтересовал вороной барона. Чуть поодаль стояла запряженная четверкой белых коней карета. Она явно принадлежала тем двум дворянам, что прибыли сюда сразу же после него. Кучер дремлет на облучке и явно в дальний путь, по крайней мере, сейчас не собирается. Вероятно, дворяне, как и фон Хаффман, решили переночевать на постоялом дворе. Слева от дороги огромный пруд, в котором плавают несколько уток. Все же хозяин явно питался лучше своих посети-

телей, потчuya гостей жареной голубятиной. Неожиданно старик и сам появился на пороге дома с ружьем в руке. Вскинул его и выстрелил. Одна из птиц тут же была убита, другие выстрела испугались. Они было дернули, чтобы взлететь, но не

смогли, старик явно подрезал им в свое время крылья. Хозяин таверны поставил допотопное ружье у дверей и просеменил к пруду. Вскочил в лодку что была привязана у одиноко стоящего дерева, и отплыл. Вскоре он уже с тушкой спешил к дому. Прихватив ружье, он скрылся в здании.

– Не иначе, для дворян уточка, – прошептал фон Хаффман.

Между тем из таверны вышла уже знакомая троица. Остановились, взглянули на карету, потом в сторону лошади гусара и о чем-то стали тихо говорить. Еле фон Хаффман сдержался, чтобы не открыть окно. Кто знает, можно ли его вообще отворить? Да и звук может привлечь внимание. Но чтобы они ни задумали, о чем бы сейчас ни договаривались – главное, нужно было быть настороже. И все же мысль, что хозяин таверны может быть с разбойниками заодно, не покидала Игната Севастьяновича. Хотя, с другой стороны, не будет же старик грабить у себя дома. И все же, как считал фон Хаффман, береженого Бог бережет.

Сел Игнат Севастьянович на кровать, пуговку расстегнул на камзоле и задумался. Заинтересовали его два дворянина. Он сначала решил, что они местные, но когда заговорили, то понял – иноземцы. Судя по акценту и щегольскому наряду, вполне возможно и французы. Но как и почему в этих краях? На ум приходит только одно: направляются из Парижа в дремучую и чуждую для них Россию. За свою безопасность не опасаются. Неудивительно, если разбойники предпочтут ограбить не какого-то бедного гусара, пусть и барона, а двух французских франтов. Обчистив их словно...

Барон фон Хаффман попытался подобрать сравнение, а потом в отчаянии рукой махнул. А нужно ли на это тратить драгоценное время?

И все же безопасность была превыше всего. Судьба уже выкидывала такие фортели, что только и остава-

лось дивиться. Поэтому, прежде чем раздеться и лечь спать, фон Хаффман еще раз проверил пистолеты. Затем встал, подошел к двери и осмотрел ее. При желании она могла выдержать непродолжительную осаду. Вряд ли у разбойников будет время, если, конечно, старик не с ними заодно, на попытку проникновения в комнату, а значит, действовать они будут потихому. Поэтому для спокойствия достаточно замка или надежного слуги, что смог бы лечь у дверей. Увы, но слуги у него не было, зато замок нашелся, хотя правильнее сказать – задвижка. Старенькая, хорошо смазанная. Игнат Севастьянович улыбнулся и ею воспользовался. Тяжело вздохнул. Между дверью и косяком была щель, сквозь которую можно было бы просунуть нож.

– Крепко лучше не спать. Убить не убьют, а вот обворовать обворуют. А последнее уже проблемы путешественника, а не гостя.

Сдержал улыбку. С клопами разве крепко поспишь? Замучают «драгуны». Начнешь ворочаться, да так глаз и не сомкнешь. И все же выспаться требовалось, поэтому он снял камзол. Бросил его к доломану. Стянул сапоги. Грохнулся на кровать и захрапел. Впервые он был рад, что в этот раз спал без сновидений. Ближе к середине ночи проснулся, но не от клопов, которые почему-то не желали его атаковать, а от шороха. Открыл глаза. Кто-то с помощью ножа пытался проникнуть к нему. Убивать его явно не собирались, иначе не стали бы возиться с запорами, а просто снесли бы дверь с петель. Барон фон Хаффман взял со стола пистолет и навел на дверь.

– Кто там? – громко спросил Игнат Севастьянович, приподнимаясь с кровати. – Я вооружен и буду стрелять!

Нож моментально исчез за дверью, раздался шум убегающих ног. Кому они принадлежали, фон Хаффман разглядеть не успел, когда он открыл, человек,

пытавшийся к нему проникнуть, уже спускался по лестнице. Были ли это разбойники или кто-то другой, одному Богу известно. Преследовать ночного посетителя Игнат Севастьянович не стал, а вместо этого опять закрыл дверь и тут же повалился на кровать. Он уже не опасался, что кто-то решится повторить свою попытку. Да и клопов не боялся.

Виконту д'Монтехо нормально поспать так и не удалось. Сначала клопы, решившие отвезти иноземной кровушки, тревожили. Потом шум в коридоре и убегающие чьи-то шаги. Он так и не решился открыть дверь, чтобы полюбопытствовать, что же там происходит. Граф же Виоле-ля-дюк к тому времени перестал обращать внимание на маленьких кровопийц и уже спокойно дремал на старенькой кровати, которая, казалось, вот-вот посыплется. И это несмотря на всю худобу графа. Тот, в отличие от виконта, время от времени переворачивался с боку на бок. Тихонько храпел и однажды, как маленький мальчик, закинул палец в рот и стал жадно посасывать. Зато д'Монтехо все же не удержался и встал с кровати. Подошел к двери и прислушался. Снаружи было тихо. Затем подкрался к окну и, отодвинув занавески в сторону, так, что образовалась маленькая щель, выглянул на улицу. Карета, запряженная четверкой лошадей, стояла на том же самом месте, где по приезде они ее и оставили. Кучер – молодой парень лет двадцати, служивший у графа с малолетства, мирно дремал, сидя на облучке. Как же в тот момент ему позавидовал виконт! Огромный диск луны висел в черном небе, освещая округу. Блики от него отражались в пруду. Виконт не выдержал и отворил окно. Прохладный ветерок ворвался в комнату и растрепал на его голове короткие волосы. Где-то прокричала сова, и д'Монтехо стало жутко.

Страху еще вечером на него нагнал граф, сообщив, что трое господ, что обедали в тот момент, когда они прибыли на постоялый двор, – разбойники. От Виоле-ля-дюка, несмотря на то, что он делал вид, что ему все безразлично, не ускользнуло, с каким любопытством те пялились на них.

– Уверю вас, шевалье, – проговорил граф, когда они вошли в комнатку, любезно предоставленную хозяином таверны, – это разбойники. Правда, скажу вам сразу, вам их опасаться, когда с вами я, не стоит. Вы же знаете, как я владею шпагой.

Виконт утвердительно кивнул. Виоле-ля-дюк был признанный дуэлянт, за что в свое время и поплатился. Был сослан королем сначала в Австрию. Правда, и в Вене граф не угомонился. Вызвал на дуэль нескольких тамошних вельмож. В итоге – дипломатическая миссия, в которую Виоле-ля-дюк не желал ехать, в заснеженную Россию, где, по словам графа, по улицам бродили здоровенные голодные медведи.

– Да и вы, виконт, тоже, я знаю, не дадите себя в обиду, – подмигнул Виоле-ля-дюк, намекая о темном прошлом д'Монтехо.

Граф из-за пудры, что густым слоем покрывала лицо виконта, не заметил, как тот побледнел. О своем прошлом тот предпочитал молчать, и Виоле-ля-дюк об этом был прекрасно осведомлен. Зато до графа перед самым отъездом из Вены дошел слух, что его новый товарищ по злключениям был вынужден остаться в Австрии, участвовал в дуэли, где умудрился отправить на тот свет человек пять или шесть. Вот только в цифры эти Виоле-ля-дюк не верил. Всегда найдутся люди, готовые приукрасить те или иные события по различным причинам.

Д'Монтехо вспомнил вечерний разговор и вновь побледнел. Неприятностей не хотелось. Он от них в последнее время просто устал. Надо было попасть в переплет в Париже, чтобы слухи о его злключе-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.